

АЛЕКСАНДР МУРО

Серия “Артём Волков”

ПРАВО НА ТИШИНУ

Книга 2

ДЕТЕКТИВНЫЙ ТРИЛЛЕР

Александр Муро

Право на тишину. Вторая книга

«Автор»

2026

Муро А.

Право на тишину. Вторая книга / А. Муро — «Автор», 2026

Сочи. Город, где море хранит больше, чем кажется. После прямого эфира, который перевернул всё, Артём Волков понимает: за одной историей скрывается другая. Старый архив, забытые имена, исчезнувшие дети и система, которая слишком долго стирала правду, превращая живых людей в удобное молчание. Чтобы спасти мальчика и остановить тех, кто привык распоряжаться чужими судьбами, Волкову придется идти против правил, приказов и самой логики системы. Но чем ближе он подбирается к истине, тем яснее становится: в этой истории ребенка хотят сделать не человеком, а доказательством. Инструментом. Символом. Разменной монетой. Артёму предстоит решить, где проходит граница между спасением и насилием во имя спасения. «Право на тишину» — напряженный детективный триллер о памяти, вине, власти и цене правды. Вторая книга серии «Артём Волков».

© Муро А., 2026

© Автор, 2026

Александр Муро

Право на тишину. Вторая книга

Книга 2

Право на тишину

Пролог

Комната без окон

В Москве не любят срочных совещаний ночью.

Не потому, что ночь мешает работать. Наоборот: в ней меньше свидетелей, меньше звонков, меньше случайных глаз у дверей. Ночью проще передвигать людей, документы, машины и формулировки.

Но срочные совещания ночью означали главное: кто-то не справился днем.

А этого в Москве не любили особенно.

Комната находилась на минус втором этаже здания, которого не было на открытых схемах. Формально здесь располагался служебный архив одного из управлений. На деле архив давно переехал в электронные хранилища, а несколько помещений оставили для разговоров, которые не должны были оставлять следов даже в памяти секретарей.

Окон не было.

Только длинный стол, шесть кресел, графин с водой, выключенный экран на стене и тонкая серая папка.

На папке не было названия.

Только три фамилии:

Грачёв.

Волков.

Меркулов.

Мужчина у стены первым нарушил тишину:

— Сочи вышел из-под контроля.

Он сказал это так, будто речь шла не о городе, людях и крови, а о приборе, который начал показывать неправильные цифры.

За столом сидели трое.

Первый — Константин Андреевич Белозёров. Его должность редко произносили целиком: длинные названия часто скрывают короткую суть — право решать, кого оставить в системе, а кого система должна забыть.

Вторая — Юлия Станиславовна Ветрова. Сухая, собранная, без формы и лишних слов. В этом здании ее не любили почти все. Потому что она проверяла не факты.

Она проверяла людей.

Третьим был Виктор Сергеевич Меркулов.

Он сидел чуть в стороне, спокойно, почти устало. От ночного визита к вдове Аронова на его лице не осталось ничего. Только пальцы правой руки медленно касались стакана с водой, но не брали его.

Белозёров открыл папку.

— Роман Грачёв задержан.

— Формально, — сказала Ветрова.

- Под запись, — уточнил мужчина у стены.
- Значит, не формально.
- Меркулов молчал.
- Белозёров пролистнул первую страницу.
- Прямой эфир. Рынок. Свидетели. Журналистка Крылова. Блогер Рябой. Старуха с коробкой. Фотография санитарки. Кровь Грачёва на ткани. Театрально.
- Театральность работает, если зрители верят, что это не спектакль, — сказала Ветрова.
- А это спектакль?
- Нет. Поэтому хуже.
- Меркулов наконец взял стакан, но пить не стал.
- Это не было случайностью.
- Грачёв сорвался? — спросил Белозёров.
- Грачёв был вынужден появиться лично.
- Кем?
- Меркулов поставил стакан обратно.
- Волковым.
- Имя прозвучало спокойно, но разговор сразу сменил центр тяжести.
- Ветрова открыла файл на планшете.
- Артём Сергеевич Волков. Тридцать шесть лет. Сочи. Сотрудник управления. Высокий уровень аналитики, низкая управляемость, склонность к самостоятельным решениям, устойчивость к давлению выше средней. Перспективный, но проблемный.
- Белозёров усмехнулся.
- “Перспективный, но проблемный” обычно означает: еще не нашел правильного хозяина.
- Или не нуждается в хозяине, — сказала Ветрова.
- Таких не бывает.
- Меркулов посмотрел на нее.
- Бывают. Недолго.
- Белозёров закрыл папку.
- Он опасен?
- Пока нет, — ответила Ветрова.
- А будет?
- Если уничтожить грубо — да. Если оставить без присмотра — да. Если попытаться купить слишком дешево — да.
- А если использовать?
- Ветрова впервые посмотрела на Меркулова.
- Тогда вопрос не в нем. Вопрос в том, кто будет считать, что использует.
- Меркулов едва заметно улыбнулся.
- Хорошая формулировка.
- Это не комплимент вам.
- Белозёров постучал пальцем по папке.
- Что по материалам?
- Мужчина у стены ответил:
- Полная вторая страница у них, скорее всего, есть. Оригинал не найден. Фрагмент опубликован. Линия Елены Кравцовой стала публичной частично. Михаил Нестеров не найден. Алина Назарова не найдена. Половина пластины у Крыловой. Вторая, вероятно, у мальчика или Назаровой.
- Вероятно?
- Точно не у Волкова.

Белозёров посмотрел на Меркулова.

— Уверены?

— Да. Если бы она была у него, он уже показал бы ее мне. Не отдал. Именно показал. Чтобы изменить цену разговора.

— Вы хорошо его читаете?

— Не до конца.

Это признание прозвучало опаснее уверенности.

Ветрова сказала:

— Он сломал первую пластину не потому, что хотел уничтожить ключ. Он лишил всех понятного сценария.

— Импровизация?

— Нет. Хуже. Интуитивная стратегия.

Белозёров поморщился.

— Простыми словами?

— Он опасен тем, что не всегда понимает, почему принимает правильное решение. Таких трудно просчитывать.

Меркулов тихо добавил:

— Он понимает больше, чем показывает.

Белозёров налил себе воды.

— Грачёва спишем.

Никто не возразил.

Так в Москве иногда хоронили живых.

Без паузы. Без гроба. Просто фразой.

— Версия? — спросила Ветрова.

Мужчина у стены ответил:

— Местная инициатива. Превышение полномочий. Попытка скрыть старые нарушения при оформлении смерти неизвестной женщины в 2014 году. Связи с федеральным уровнем не подтверждаются. Грачёв действовал в интересах локальной группы, связанной с Ароновым.

— Сафонов?

— Молчит.

— Он всегда молчит, — сказал Меркулов.

— Убрать?

Белозёров сказал это буднично.

Меркулов покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что он знает, что его могут убрать. Значит, подготовил ответ.

— Какой?

— Такой, который нам не понравится.

Ветрова посмотрела на него внимательно.

— Вы слишком часто сегодня говорите “нам”.

— Это проблема?

— Возможно.

Белозёров раздраженно выдохнул.

— Оставьте. Что с мальчиком?

— Ищем.

— Плохо ищите.

— Его ведут не силовики. Его ведут женщины.

Белозёров не понял.

Ветрова поняла.

— Сеть низового доверия. Медсестры, водители, старые знакомые, продавщицы, временное жилье. Там нет центра.

— И там не любят людей в форме, — добавил Меркулов.

На экране внезапно появилась запись с рынка.

Темный павильон тканей. Грачёв с пистолетом. Рая с разбитым лицом. Марина с коробкой. Волков в тени. Тихонов сбоку. Рябой, который говорил слишком громко, но стоял прямо.

Запись дошла до момента, где Грачёв сказал:

“Меркулов — не верх. Он передаточное звено.”

Кадр остановили.

Меркулов не изменился в лице. Только пальцы перестали касаться стакана.

Белозёров повернулся к нему.

— Неприятная фраза.

— Грачёв был ранен и эмоционально нестабилен.

— Конечно, — сказала Ветрова. — Но он не похож на человека, который придумал это в моменте.

Меркулов посмотрел на нее.

— Вы хотите спросить, являюсь ли я передаточным звеном?

— Нет.

— Почему?

— Потому что если да, вы ответите “нет”. Если нет, тоже ответите “нет”. Вопрос бесполезный.

Белозёров выключил экран.

— Дело уходит выше.

— Это ошибка, — сказал Меркулов.

— Почему?

— Чем выше вы поднимаете дело, тем больше людей понимают, что оно существует.

— Оно уже существует.

— Пока как шум.

— Шум с фамилиями.

— Фамилии можно утопить.

Ветрова сказала:

— Не все. Волков уже стал фигурой внутри истории.

— Его можно вывести.

— Поздно.

— Убрать.

— Глупо.

— Назначить виновным.

— Опасно.

Белозёров откинулся на спинку кресла.

— Тогда что можно?

Ветрова посмотрела на Меркулова.

— Повесить.

Белозёров коротко рассмеялся.

— Серьезно?

— После падения Грачёва в Сочи образуется пустота. Если поставить чужого, его сожрут местные. Если местного — он окажется куплен. Если поставить Волкова, он будет думать, что получил возможность продолжить расследование. На самом деле он получит ответственность.

— Ответственность превращает человека в заложника.

— Именно.

— А если он не возьмет?

Меркулов тихо сказал:

— Возьмет.

— Почему?

— Он уже почувствовал лестницу.

— Власть?

— Нет. Пока еще не власть.

— А что?

Меркулов впервые за весь разговор улыбнулся почти тепло.

— Право входить в закрытые двери.

Он встал.

— Волкова вызовут в Москву?

— Уже, — сказала Ветрова. — Завтра утром.

— В качестве кого?

Белозёров закрыл папку.

— Пока свидетеля.

Меркулов надел перчатки.

— Опасное слово. В нем всегда помещается обвиняемый.

— Хотите с ним поговорить?

— Да.

— Зачем?

Меркулов подошел к двери.

— Хочу понять, сколько он стоит.

Ветрова сказала ему вслед:

— Вы уже спрашивали это в Сочи.

Меркулов остановился.

— Нет. В Сочи я понял, что он не продается дешево. Это другое.

Дверь закрылась.

Белозёров, Ветрова и мужчина у стены остались одни.

— Что думаете? — спросил Белозёров.

Ветрова посмотрела на папку с тремя фамилиями.

— Мы делаем ошибку.

— Какую?

— Считаем, что Волкова надо либо уничтожить, либо использовать.

— А третий вариант?

Она закрыла планшет.

— Он использует нас.

Белозёров усмехнулся.

— Один сочинский сотрудник?

— Нет, — сказала Ветрова. — Один человек, который пока еще делает вид, что не хочет власти.

За стеной бесшумно работала вентиляция.

В комнате без окон ночь не заканчивалась.

Она просто переходила в следующее совещание.

Глава 1

Вызов в Москву

Самолет на Москву вылетал в шесть сорок.

Волков не любил утренние рейсы.

Не из-за раннего подъема. Сон давно перестал быть обязательным: три часа, сутки без сна, пятнадцать минут в машине — и снова годен к работе. Не всегда отдохнувший, но годен.

Утренние рейсы он не любил из-за людей.

В аэропорту рано утром человек меньше всего похож на себя. Женщины в дорогах пальто стояли у регистрации с пустыми глазами. Командировочные молча пили кофе. Дети спали на чемоданах. Таксисты ругались у выхода. Объявления из динамиков делали зал еще тише.

Тихонов сидел напротив Волкова и смотрел на пластиковый сэндвич так, будто тот был вещественным доказательством.

— Ты когда-нибудь видел еду, которая выглядит виноватой?

— Сейчас вижу.

— Она лежит и как будто сама понимает: ее нельзя есть.

— Не ешь.

— Нельзя. Я заплатил.

Волков посмотрел на табло.

Рейс не задерживали.

После рынка тканей прошло меньше суток. Грачёва забрали. Карпов оформил все так, чтобы потом можно было сказать: процедура соблюдена. Рябой выложил нарезку эфира еще ночью. К утру ролик разлетелся по каналам, пабликам и новостным сайтам, которые обычно не писали ничего без звонка, но сейчас писали, потому что звонки еще не договорились между собой.

Марина прислала Волкову одно сообщение:

«Мы публикуем не всё».

Он ответил:

«Правильно».

Она не ответила.

Это тоже было правильно.

Тихонов развернул сэндвич, понюхал и положил обратно.

— Нас вызвали свидетелями. Это хорошо или плохо?

— Это временно.

— Я заметил: у нас все хорошее временно, а плохое — системно.

— Москва хочет понять, кто теперь виноват.

— Могу подсказать. Грачёв. Ранен, задержан, орал в прямом эфире, пистолет держал.

Народ любит простые формы.

— Грачёв слишком мал.

— Для них или для нас?

— Для дела.

Тихонов откинулся на спинку кресла.

— А мы, значит, большие?

Волков не ответил. Он смотрел на женщину у стойки напротив: темное пальто, серый шарф, маленький чемодан, телефон в левой руке. Она не смотрела в их сторону. Слишком не смотрела. На экране телефона — черный экран, в котором отражался зал.

— Егор.

— Что?

— Женщина у стойки. Пальто. Серый шарф.

Тихонов не повернул головы. Только поднял сэндвич и посмотрел через упаковку в отражение стекла.

— Наша?

— Нет.

— Их?

— Возможно.

— Какая именно категория “их”? У нас широкий ассортимент.

— Наблюдение. Демонстративное.

— То есть нам показывают, что за нами смотрят.

— Да.

— Обожаю Москву. Она даже еще не началась, а уже пришла заранее.

Женщина убрала телефон и пошла к выходу на посадку. Проходя мимо, она не посмотрела на них ни разу.

Но в этом и был взгляд.

В самолете Волков сел у окна, Тихонов — у прохода. Между ними оставалось пустое место до момента, пока в салон не вошел мужчина в синем свитере с маленьким кожаным портфелем.

Он остановился у их ряда.

— Мое место.

Тихонов посмотрел на билет.

— Конечно. Среднее. Самое удобное место для человека, которому надо подслушивать.

Мужчина улыбнулся.

— Я боюсь летать.

— Тогда вам к окну.

— У окна занято.

— Я не про окно самолета.

Мужчина сделал вид, что не понял.

Он сел между ними и положил портфель на колени.

Не наверх.

Не под сиденье.

На колени.

Тихонов пристегнулся.

— Если вы сейчас достанете из портфеля папку, я попрошу стюардессу пересадить меня к младенцу. Он хотя бы орет честно.

— Егор Андреевич, у вас репутация человека, который превращает напряженные ситуации в бытовые.

Тихонов посмотрел на Волкова.

— Я знаменит.

Волков повернулся.

— Вы кто?

Мужчина показал обложку удостоверения.

Этого было достаточно.

— Кирилл Михайлович Руднев. Аппарат координации.

— Какой именно?

— Тот, который вас ожидает.

— Нас вызвали повесткой.

— Вас пригласили.

— Формулировка другая.

— Суть та же.

Руднев открыл портфель и достал два белых конверта: один Волкову, другой Тихонову.

На конвертах не было фамилий.

Только номера.

Волков не открыл.

Тихонов открыл.

Внутри были фотографии: он у подъезда своего дома, в машине, рядом с женщиной лет тридцати пяти и девочкой школьного возраста у торгового центра.

Тихонов поднял глаза.

— Это что?

— Не угроза.

— Да конечно. Семейный альбом от незнакомого мужчины.

— Напоминание, что у каждого участника событий есть периметр.

— Это моя бывшая жена.

— Знаем.

— Ребенок не мой.

— Тоже знаем.

— Тогда зачем?

— Потому что вы все равно помогаете им. Деньгами, ремонтами, юристами. Формально они вам никто. Фактически — рычаг.

Тихонов сжал конверт.

— Я могу сейчас сломать вам нос.

— Можете. Тогда разговор станет короче.

Волков открыл свой конверт.

Там было четыре снимка.

Отец. Сергей Михайлович Волков возле машины за несколько дней до аварии. Волков никогда не видел этой фотографии.

Мать у подъезда. Совсем свежая.

Марина у рынка тканей, ночью, с поврежденной фотографией Елены Кравцовой.

И пустой подъезд.

Подъезд дома, где когда-то жил его отец.

Он сложил фотографии обратно.

— Кто передал?

— Не знаю.

— Вы врете.

— Да, но не полностью.

— Кто?

Руднев закрыл портфель.

— В Москве много людей, Артём Сергеевич. Некоторые будут угрожать. Некоторые помогать. Некоторые — делать это одновременно. Моя задача, чтобы вы долетели с правильным пониманием.

— Каким?

— Вы едете не давать объяснения. Вы едете на распределение.

Тихонов усмехнулся зло.

— Мы что, выпускники академии?

— Нет. Вы ресурс после нестандартного применения.

Самолет начал движение.

— И куда нас распределяют? — спросил Волков.

— Зависит от того, как вы будете себя вести.

— А если неправильно?

— Тогда вас вернут обратно.

— В Сочи?

Руднев посмотрел на него.

— Нет.

Самолет начал разгон.

— Виктор Сергеевич хочет с вами поговорить, — сказал Руднев.

— Перед или после допроса?

— Там не будет допроса.

— Что будет?

— Собеседование.

Сочи уходил вниз: мокрая полоса, огни, черное море за стеклом. Город, в котором ночью падали люди, утром с высоты выглядел как курортная открытка с плохой печатью.

— На какую должность? — спросил Волков.

Руднев не удивился.

— Вы быстро поняли.

— Слишком много фотографий для свидетеля. Слишком много угроз для обвиняемого. Значит, не хотят ни сломать, ни отпустить. Хотят поставить в рамку.

— Временно исполняющий обязанности по линии внутренней координации в Сочи.

Тихонов повернул голову.

— Что это вообще значит?

— Формально — усиление контроля после задержания Грачёва. Неформально — человек, через которого будут проходить материалы по Аронову, Кравцовой, старым санаториям и публичным утечкам.

— То есть Артёму предлагают место рядом с костром и канистру бензина.

— Ему предлагают стать тем, кто держит канистру.

— Почему я? — спросил Волков.

— Если поставить чужого, местные начнут прятаться. Если местного — он окажется куплен. Если поставить вас, все будут думать, что вы продолжаете искать правду.

— А на самом деле?

— Вы будете отвечать за последствия правды.

Фраза была точной.

Власть редко запрещала искать правду напрямую. Она делала лучше: давала кабинет, подпись, ответственность, людей, которые зависят от твоих решений, и через месяц человек сам понимал, какие факты лучше не поднимать сегодня, чтобы завтра не погиб кто-то лишний.

Не запрет.

Гравитация.

— Кто придумал?

— Не я.

— Ветрова?

Руднев посмотрел внимательнее.

— Вы уже знаете фамилию?

— Теперь знаю.

Тихонов закрыл глаза.

— Господи, Артём, иногда ты мог бы делать вид, что не ловишь людей на пустом месте.

Руднев чуть улыбнулся.

— Юлия Станиславовна будет довольна.

— Чем?

— Что вы уже начали строить ее портрет.

— Она занимается людьми.

— Да.

— И решила, что меня надо повесить.

— Она предложила.

— А Меркулов поддержал?
— Он сказал, что вы возьмете.
Волков молчал.
Тихонов посмотрел на него.
— Ты же не возьмешь.
Вопрос прозвучал слишком быстро.
Почти как просьба.
Волков не ответил.
И этого хватило.
— Артём.
— Если я не возьму, поставят другого.
— Пусть.
— Другой начнет с зачистки.
— А ты с чего начнешь? С гуманизма?
— С карты.
— У тебя всегда карта. Только на ней люди почему-то быстро становятся точками.
Руднев наблюдал с интересом.
Волков повернулся к нему.
— Что с Алиной и Михаилом?
— Неизвестно.
— Это ложь.
— Неполная правда. След утерян. Есть предположения.
— Где ищут?
— Краснодарский край, Ростов, Волгоградская область, частично Москва. Проверяются вокзалы, больницы, социальные квартиры, старые контакты Назаровой.
— Женские сети?
Руднев кивнул.
— Значит, вы понимаете: если они не появятся сами, их найдут через тех, кто помогает.
Не быстро. Но найдут.
— Кто ведет поиск?
— Несколько групп.
— Меркулов?
— В том числе.
Волков едва заметно сжал подлокотник.
Руднев заметил.
— Поэтому вам и предлагают должность.
— Чтобы я получил доступ?
— Чтобы вы поверили, что получили доступ.
Тихонов мрачно усмехнулся.
— Очень честная ловушка.
— Ловушка, о которой предупреждают, перестает быть ловушкой. Она становится выбором.
— Нет, — сказал Волков. — Она становится проверкой.
Дальше почти не говорили.
Подмосковье встретило их серым небом и мокрым снегом вдоль полосы. Москва была грязной между сезонами: мокрый асфальт, тяжелые облака, стеклянные здания в дымке, очереди машин, люди в черных куртках, которые всегда куда-то спешили, но редко выглядели живыми.
У выхода их ждали два черных седана.

Руднев показал на первую машину.

— Артём Сергеевич — со мной.

Тихонов сразу сказал:

— Нет.

— Егор Андреевич поедет во второй машине.

— Я сказал нет.

Двое мужчин у машины посмотрели на него без выражения.

Волков положил руку Тихонову на плечо.

— Егор.

— Не начинай.

— Поезжай.

— Это глупо.

— Да.

— Тогда зачем?

— Они хотят проверить, насколько быстро мы начнем сопротивляться там, где это бесполезно.

Тихонов посмотрел на Руднева.

— Передайте вашей Ветровой, что я ее уже не люблю.

— Она переживет.

Тихонова посадили во вторую машину.

Волков сел в первую. Маршрут шел не в центр: сначала трасса, потом развязка, потом район административных зданий, где люди редко ходили пешком. Москва за стеклом показывала только поверхности: серые фасады, мокрые щиты, окна без лиц, камеры над въездами, охранников в будках.

— Перед встречей у вас заберут телефон, — сказал Руднев.

— Нет.

— Это правило.

— Тогда встречи не будет.

— Вы не в позиции торговаться.

— Вы ошибаетесь. Телефон останется у меня выключенным, без связи. Но у меня. Его хотят не выключить. Его хотят скопировать.

— Вы думаете, это еще не сделали?

— Думаю, не все.

Руднев после паузы сказал водителю:

— Передайте: телефон остается у него. В экранирующем пакете.

Через несколько секунд пришло сообщение.

— Вам разрешили.

— Быстро.

— Вы начали нравиться неправильным людям.

— А правильным?

— Правильных здесь нет.

Машина въехала на закрытую территорию.

Здание было невысоким, без вывески, из серого камня и стекла. Не самое заметное. Не самое охраняемое внешне. Но Волков видел камеры, датчики и людей, которые стояли так, чтобы казаться случайными.

Внутри пахло кофе, металлом и дорогим моющим средством.

Телефон Волкова положили в черный пакет. Он сам застегнул замок и оставил пакет при себе.

Тихонова привели через пять минут.

Он был злой.

— Меня везли с человеком, который всю дорогу молчал. Я пытался разговорить. Он моргнул один раз. Я счел это угрозой.

Руднев провел их к лифту.

Минус первый.

Минус второй.

У двери без номера стояла женщина.

Сухая, собранная, в темном костюме. Короткие волосы. Спокойные глаза.

Юлия Станиславовна Ветрова.

Она посмотрела сначала на Волкова, потом на Тихонова.

— Доброе утро.

— Оно спорное, — сказал Тихонов.

— Это нормально. Хорошее утро редко начинается на минус втором этаже.

Она открыла дверь.

В комнате был стол, четыре кресла, экран, графин воды и никаких окон.

За столом уже сидел Меркулов.

— Артём Сергеевич, — сказал он. — Рад, что вы долетели спокойно.

— Вы старались.

— Не я один.

Тихонов посмотрел на Ветрову.

— А мне можно сразу сказать, что я ничего не подпишу, никого не сдам и хочу домой?

— Можно. Это ускорит бесполезную часть разговора.

Волков сел напротив Меркулова. Тихонов — рядом, но чуть откинулся, как человек, который не доверяет мебели.

Ветрова положила перед собой планшет.

— Формально вы вызваны для объяснений по обстоятельствам задержания Грачёва, обнаружения материалов, связанных с Еленой Кравцовой, и нарушений режима работы с информацией.

— А неформально? — спросил Волков.

Меркулов ответил:

— Вам предлагают работу.

Тихонов тихо сказал:

— Мне нравится, когда угроза сразу переодевается в зарплату.

Ветрова не отвлеклась.

— После случившегося в Сочи нужен человек, который восстановит управляемость.

— Управляемость чего? Людей? Документов? Правды?

— Правда не нуждается в управлении, — сказала Ветрова. — Нуждаются ее последствия.

Меркулов едва заметно улыбнулся.

Ветрова переключила экран.

На стене появилась схема: фамилии, стрелки, Сочи, Аронов, Грачёв, Кравцова, Назарова, Михаил, Крылова, Рябой, Сафонов, Савельев, Меркулов. Некоторые линии были сплошными, некоторые пунктирными, некоторые красными.

Волков смотрел без выражения.

Но внутри отметил главное: у них не было половины связей.

И скрывали они это плохо.

— Это ваша карта?

— Рабочая.

— Плохая.

Тихонов закрыл глаза.

— Началось.

Ветрова не обиделась.

— Почему?

Волков подошел к экрану.

— Линия между Сафоновым и Алиной не прямая. Михаила не ведет Сафонов. У Марины не вся пластина. Рябой не источник, он усилитель. А здесь, — он показал на Меркулова, — не хватает одного уровня.

В комнате стало тихо.

— Какого? — спросила Ветрова.

— Того, кто разрешил вам нарисовать эту схему, но не разрешил показать его место.

Тихонов медленно открыл глаза.

Руднев у двери перестал улыбаться.

Меркулов сказал:

— Смело.

— Нет. Очевидно.

— Вы понимаете, что сейчас делаете? — спросила Ветрова.

— Проверяю, кто первым скажет, что я ошибаюсь.

— И?

— Никто не сказал.

Меркулов тихо рассмеялся.

— Вот поэтому вам и предлагают должность.

Волков вернулся на место.

— Я не принял.

— Примете, — сказал Меркулов.

— Почему?

— Вы уже считаете, как ее использовать.

Тихонов резко повернулся к Волкову.

— Артём.

Волков не посмотрел на него.

Ветрова выключила экран.

— Условия простые. Вы возвращаетесь в Сочи в новом статусе. Получаете доступ к материалам по Грачёву, Аронову, Кравцовой и связанным эпизодам. Отчитываетесь напрямую через Руднева. Публично — стабилизация. Непублично — находите Алину Назарову и Михаила Нестерова раньше тех, кто хочет найти их без вас.

— А если найду?

— Доложите.

— Кому?

— Мне, — сказала Ветрова.

Меркулов посмотрел на нее.

Маленький разрыв.

Не конфликт.

Пока еще шов.

— Не ему? — спросил Волков.

— Нет.

Меркулов сказал:

— Видите? У вас уже есть выбор.

— Между двумя ошейниками?

— Между двумя поводками. Ошейник появится позже, если будете сопротивляться без плана.

Тихонов поднялся.

— Всё. Я услышал достаточно. Артём, мы уходим.

Никто его не остановил.

Это было худшее.

Там, где действительно можно уйти, дверь редко оставляют открытой.

Волков тоже поднялся.

Ветрова спросила:

— Ваш ответ?

— Я подумаю.

— У вас нет времени.

— Значит, буду думать быстро.

Меркулов посмотрел на него.

— До вечера.

— Нет.

— Тогда до когда?

— До того, как я поговорю с Грачёвым.

Комната стала неподвижной.

Ветрова сказала:

— Это невозможно.

— Тогда я не принимаю.

Меркулов чуть прищурился.

— Зачем он вам?

— Он сказал в эфире лишнее. Хочу понять, что не успел сказать.

— Он будет лгать.

— Все будут.

— Он опасен.

— Уже меньше.

Ветрова посмотрела на Меркулова.

Тот молчал.

Потом сказал:

— Хорошо.

— Виктор Сергеевич, — тихо произнесла Ветрова.

— Он все равно найдет способ, — сказал Меркулов. — Пусть найдет наш.

— Через два часа, — сказала Ветрова. — В присутствии сотрудника.

— Нет. Один на один.

— Исключено.

— Тогда нет ответа.

Меркулов встал.

— Вы торгуетесь жестче, чем позволяет ваше положение.

— А вы хотите купить дороже, чем признаете.

Пауза.

Меркулов улыбнулся.

— Один на один. Десять минут. Без записи.

Ветрова резко закрыла планшет.

— Это ошибка.

— Возможно, — сказал Меркулов.

И посмотрел на Волкова.

— Но мне тоже интересно, что Грачёв скажет человеку, который занял его место еще до согласия.

Волков ничего не ответил.
Потому что Меркулов был прав.
И именно это делало предложение опасным.
В коридоре Тихонов догнал его и схватил за рукав.
— Ты понимаешь, что они делают?
— Да.
— Они дают тебе власть.
— Нет.
— А что?
— Привычку к ней.
Тихонов отпустил рукав.
На лице у него была не злость.
Печаль.
— Вот этого я и боялся.
В конце коридора ждал Руднев.
— Машина готова.
— Куда? — спросил Тихонов.
Руднев посмотрел на Волкова.
— К Грачёву.
Волков не оглянулся.
Но почувствовал, как за спиной закрылась дверь комнаты без окон.
Москва уже начала учить его главному правилу верхнего уровня.
Здесь никто не заставляет тебя становиться другим.
Здесь просто создают условия, в которых прежним оставаться невыгодно.

Глава 2

Десять минут без записи

Грачёва держали не в СИЗО.

Пока.

В Москве это слово было важнее любого постановления. «Пока» означало: человек еще не упал окончательно, но уже перестал стоять. Его могли перевести, выпустить, обменять, спрятать, списать, сделать свидетелем или обвиняемым. Всё зависело не от закона, а от того, кто быстрее найдет ему применение.

Машина шла через серый город.

Тихонов сидел рядом с Волковым и молчал.

Это было хуже его шуток. Шутки означали, что он еще держит дистанцию между собой и страхом. Молчание — что страх подошел слишком близко.

Руднев сидел впереди. Иногда смотрел в зеркало, но не вмешивался. После разговора в комнате без окон он стал осторожнее. Не испуганнее — именно осторожнее. Волкову такие изменения нравились: если человек менял поведение, значит, внутри появилась новая переменная.

— Куда его поместили? — спросил Волков.

Руднев ответил не сразу:

— Закрытый медицинский блок.

— Ранение?

— Плечо. Сквозное. Жить будет.

Тихонов впервые заговорил:

— А хотелось как лучше.

Руднев не повернулся.

- Это официальный комментарий?
- Пока личное разочарование.
- Я бы советовал держать его личным.
- А я бы советовал вам не советовать мне, пока я не попросил.
- Руднев посмотрел в зеркало.
- Вы всегда такой?
- Нет. Иногда я сплю.

Машина свернула во двор между двумя административными зданиями. Шлагбаум поднялся до остановки. Охранник даже не посмотрел в их сторону. Значит, машину ждали еще до выезда.

Медицинский блок выглядел как ведомственная поликлиника без вывески: белое трехэтажное здание, старые окна, свежие камеры под козырьком, две машины у запасного выхода. Москва любила такие места. В них удобно делать вид, что ничего важного не происходит.

- У входа у них забрали оружие.
- Тихонов сдал пистолет не сразу.
- Я без него чувствую себя голым.
- Охранник посмотрел спокойно.
- Раздеваться не требуется.
- Спасибо, вы чуткий.

Телефон в экранирующем пакете оставили при Волкове. Значит, договоренность с Меркуловым пока действовала.

- Или им хотели показать, что договоренности здесь соблюдают.
- До первого удобного нарушения.
- У лифта стояла Ветрова.
- Без планшета.

Это было интересно. Человек, который всегда приходил с инструментом, теперь пришел без него. Значит, хотела наблюдать не как аналитик. Как участник.

- У вас десять минут, — сказала она.
- Один на один, — напомнил Волков.
- За стеклом будет наблюдение.
- Нет.
- Это медицинский блок.
- Тем более.

Ветрова посмотрела на него без раздражения.

— Вы понимаете, что просите оставить вас с задержанным, который вчера держал оружие и уже начал сдавать верхний уровень?

- Да.
- И думаете, мы согласимся?
- Уже согласились.

Тихонов тихо хмыкнул.

Ветрова перевела взгляд на него.

- Егор Андреевич останется снаружи.
- А я-то думал, меня пригласят как тамаду.
- Вы слишком шумный для этой комнаты.
- А вы слишком спокойная для человека, который делает ошибку.
- Ошибки — тоже метод.
- Не когда они с моим другом внутри.
- Волков посмотрел на него.
- Егор.

— Не надо. Я знаю. «Подожди здесь, не мешай, я быстро, всё под контролем».

— Не всё.

— Вот именно.

Грачёв находился в палате 307.

У двери стояли двое.

Руднев остановился.

— Правила. Не приближаться ближе чем на два метра. Не передавать предметы. Не касаться оборудования. Дверь не закрывается на замок.

— Дверь закрывается, — сказал Волков.

— Нет.

Волков посмотрел на Ветрову.

Она сказала:

— Закрывается.

— Юлия Станиславовна...

— Он не начнет говорить, если будет чувствовать коридор.

— Это нарушение.

— Тогда запомните его формулировку.

Руднев замолчал.

Волков отметил: Ветрова могла отдавать распоряжения поверх Руднева, но не делала это часто. Значит, ее власть была не административной, а доверенной. Такие люди опаснее начальников.

Тихонов подошел ближе.

— Десять минут. Если он попробует что-то сделать?

— Он ранен.

— Раненые тоже бьют. Иногда из вредности.

— Я выйду.

— Ты всегда так говоришь.

Дверь открыли.

Грачёв сидел на кровати, опираясь на подушки. Левая рука зафиксирована, плечо закрывал широкий бинт под больничной рубашкой. Лицо серое, губы сухие, щетина темная. Он выглядел не старым, а лишенным должности. Это было сильнее возраста.

У кровати стояла капельница. На столике — пластиковый стакан воды, таблетки, пульт вызова.

Никаких цветов. Никаких родственников. Никаких папок.

Человек, который вчера отдавал приказы, сегодня имел только кнопку вызова.

Грачёв поднял глаза.

— Быстро ты пришел навестить начальство.

Волков вошел.

Дверь закрылась.

— Один?

— Да.

— Значит, им очень нужно, чтобы я тебе что-то сказал.

— Или чтобы ты думал так.

— У тебя уже московский язык появился.

— Нет. Просто здесь короткие фразы стоят дороже.

Грачёв посмотрел на датчик дыма с камерой.

— Запись?

— Должна быть выключена.

— Смешно.

— Да.

— Ты согласился?

— Еще нет.

— Врешь.

— Еще нет.

— Это одно и то же. Если пришел ко мне до ответа, значит, уже считаешь цену.

Волков сел на стул у стены.

Два метра.

Чуть больше.

Правила иногда стоило нарушать не сразу. Человек расслабляется, когда видит, что его границы признают.

— Тебя спишут, — сказал Волков.

Грачёв усмехнулся.

— Уже.

— Нет. Пока держат как вариант.

— Какой?

— Виновный. Свидетель. Мертвый свидетель.

— Третий ближе к правде.

— Почему?

Грачёв посмотрел раздраженно.

— Не делай вид, что не понимаешь. Я сказал в камеру имя Меркулова. Не полностью, не так, как надо, но достаточно. Теперь меня нельзя оставлять с языком.

— Ты можешь отказаться от слов.

— Уже.

— Когда?

— Час назад.

— Что подписал?

— Что находился в болевом шоке, действовал под влиянием стресса, допустил некорректные формулировки, не располагаю данными о причастности Виктора Сергеевича Меркулова к противоправной деятельности.

— Длинно.

— Юристы любят длинно. В длинном легче прятать трусость.

— Твою?

Грачёв посмотрел тяжелее.

— Мою тоже.

Он взял стакан правой рукой. Пальцы дрожали, и вода пошла кругами.

— Ты пришел узнать, кто над Меркуловым?

— Да.

Грачёв коротко рассмеялся, потом закашлялся от боли.

— Красиво. Прямо. Почти по-детски.

— Ответ?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не знаю.

Волков молчал.

Грачёв отпил воды.

— Не смотри так. Думаю — да. Понимаю контуры — да. Видел фамилии в документах — нет. И даже если бы видел, фамилии ничего не значат. Наверху фамилия — временная одежда.

Сегодня зам, завтра советник, потом фонд, комиссия, человек без должности, которому всё равно несут.

— Тогда что значит “передаточное звено”?

Грачёв закрыл глаза.

— Меркулов не принимает решения первым. Он приносит варианты тем, кто не должен быть виден. Потом возвращается с формулировкой, будто сам ее придумал.

— Кто эти люди?

— Ты ищешь лицо. А там не лицо. Там интерес. Земля, архивы, назначения, силовые гарантии, суды, медиа, деньги на восстановление, допуски, санатории, порты, экологические аварии, фонды, дети с неправильными фамилиями. В одном месте это ведет один человек, в другом — другой. Меркулов связывает. Поэтому живет дольше тех, кто считает себя главным.

Волков слушал внимательно.

Первая полезная фраза.

Не фамилия.

Механизм.

— Михаил зачем им?

— Ты знаешь.

— Скажи.

— Не могу.

— Потому что не знаешь?

— Потому что если скажу неправильно, ты умрешь за неверную версию.

— Заботишься?

— Нет. Экономлю смысл.

Грачёв откинулся на подушки.

— Мальчик — не только ключ к пластине. Не только память Алины. Не только связь с Назаровой. Это тебе скормили, чтобы ты думал в правильную сторону.

— А что?

— Он право.

— На что?

— На наследование.

Волков не изменился в лице.

Но внутри цепочка щелкнула.

Наследование.

Не только архив. Не только компромат. Имущество, доли, фонды, земля, старые схемы, где ребенок мог оказаться не свидетелем, а юридической проблемой.

— Чье?

Грачёв усмехнулся.

— Вот теперь ты начал думать. Аронов не был владельцем всего, чем управлял. Были активы, которые нельзя было держать на взрослых. Особенно после четырнадцатого года. Детские доли, опека, фонды, наследственные контуры, мертвые фамилии. Мальчик появился в схеме как временная строка. Потом строка выросла.

— Матвей?

Грачёв посмотрел на него.

— Не называй его так.

— Почему?

— Это имя дали не ребенку. Это имя дали роли.

Волков запомнил.

Матвей — роль.

Михаил — человек.

- Кто оформлял?
- Сафонов знает больше меня.
- Сафонов молчит.
- Конечно. Он умный.
- Ты тоже молчал.
- Нет. Я выполнял.
- Удобная разница.

Грачёв улыбнулся устало.

- Ты еще будешь любить такие разницы. Они спасают сон.

— Я плохо сплю.

— Пока.

За дверью послышался шаг.

Время шло.

- Тебя хотят сделать местной инициативой, — сказал Волков.

— Уже сделали.

— Ты примешь?

— А выбор?

— Есть всегда.

— Это ты сейчас так говоришь, потому что еще не подписал первую бумагу.

Грачёв наклонился вперед настолько, насколько позволяла боль.

— Они предложат тебе место. Не должность — место. Между местными и Москвой. Между правдой и протоколом. Между теми, кто орет в камеру, и теми, кто решает, сколько этой камере жить.

— Уже предложили.

— И ты возьмешь.

— Все так думают.

— Потому что видно. Ты не хочешь денег, машины, дома у моря, похвалы. Это мелкое.

Ты хочешь права входить туда, где тебе раньше говорили: “не твой уровень”.

Фраза почти повторяла Меркулова.

Но у Меркулова это было приглашение.

У Грачёва — диагноз.

— А ты чего хотел? — спросил Волков.

Грачёв замолчал.

На несколько секунд больничная комната стала слишком белой.

— Сначала?

— Да.

— Чтобы меня не унижали люди глупее меня.

Волков смотрел на него.

Грачёв усмехнулся.

— Мелко?

— Честно.

— Все начинается мелко. Потом кабинет. Люди. Право звонить тем, кто раньше не брал трубку. Потом тебе приносят первую грязную бумагу и говорят: “Надо просто не заметить”. Ты не замечаешь: бумага мелкая, дело большое. Потом приносят человека. Потом тело. Потом ребенка. И каждый раз говоришь себе: если уйду я, придет хуже.

Он сделал паузу.

— Самая удобная фраза в системе.

— Пришел хуже?

— Нет. Пришел ты.

Грачёв улыбнулся шире.

— Видишь? Даже тебе неприятно.

Волков не ответил.

— На рынке тебе было приятно, — сказал Грачёв. — Победа. Камеры. Кровь на ткани. Я на полу. Рябой орет, Крылова держит фотографию, Тихонов надевает наручники. Ты стоишь в тени и понимаешь, что сделал ход, который нельзя отменить. Мир на секунду стал понятным: виновный упал, улика найдена, свидетели видят, камера пишет. Почти справедливость.

Он устало выдохнул.

— Только справедливость у нас долго не живет. Ее быстро оформляют в материал проверки.

Волков сказал:

— Кто убил Елену Кравцову?

Грачёв закрыл глаза.

— Не я.

— Кто?

— Я сказал: “подойдет”. Это правда.

— Кто убил?

— Не знаю.

— Кто принес тело?

— Двое с временного пункта. Один умер. Второй пропал.

— Фамилии.

— Костюченко. Фельдшер. Умер в семнадцатом, сердце. Второй — Андрей Лагутин.

Тогда работал по линии охраны объекта. Потом исчез из документов.

— Где искать?

— Его не надо искать.

— Почему?

Грачёв открыл глаза.

— Если он жив, он сам найдет тебя. После моего падения старые хвосты начнут резать.

А хвосты иногда кусаются.

Андрей Лагутин.

Второе имя.

— Что с Сафоновым?

— Разложил правду на части и отдал каждому ровно столько, чтобы никто не мог жить спокойно.

— Он на чьей стороне?

— На своей.

— А ты?

— Я уже ни на чьей. Поэтому могу быть почти честным.

Волков встал.

Грачёв проводил его взглядом.

— Ты не спросил главное.

— Спрошу.

— Нет. Сейчас.

Волков остановился.

— Что?

— Кто сдал тебя Москве.

Пауза.

Вот теперь он попал.

— Меня не надо было сдавать. Я сам вышел на экран.

— Экран — для толпы. Москва вызывает, когда получает внутренний сигнал: этот человек пригоден.

— От кого?

Грачёв улыбнулся.

— Савельев.

Имя прозвучало тихо.

Павел Савельев. Раненый полковник. Старый игрок. Человек, который помогал и удерживал одновременно. Отец Виктории.

— Зачем?

— Савельев никогда не спасает людей просто так. Он инвестирует в их будущую вину.

— Он сдал меня Меркулову?

— Не Меркулову. Выше. Через Ветрову. Меркулов потом подхватил.

— Откуда знаешь?

— Савельев предлагал то же самое мне. Много лет назад.

— Что?

— Место.

За дверью постучали один раз.

Время вышло.

Грачёв открыл глаза.

— Не доверяй Савельеву. Не потому, что он предаст. Все предадут. А потому, что он предаст так, что ты сам подпишешь объяснение, почему это было необходимо.

Дверь открылась.

На пороге стоял Руднев.

— Время.

Волков не двинулся.

— Последний вопрос.

Руднев хотел возразить, но Грачёв сказал:

— Давай.

— Почему ты не сказал этого раньше?

Грачёв посмотрел на него долго.

Впервые за разговор в лице появилось что-то человеческое.

Не раскаяние.

Усталость от собственной жизни.

— Потому что раньше ты был слишком чистым, чтобы поверить.

Волков вышел.

В коридоре стояли Ветрова и Тихонов.

Тихонов сразу посмотрел на его лицо.

— Что?

— Потом.

— Плохое “потом”?

— Да.

Ветрова сказала:

— Он говорил?

— Да.

— Полезно?

— Для кого?

Она не ответила.

Руднев закрыл дверь палаты.

Волков посмотрел на Ветрову.

— Мне нужен доступ к материалам по Павлу Савельеву.

Ветрова почти не изменилась.

Почти.

Но достаточно.

Тихонов тихо сказал:

— Вот теперь я хочу обратно в самолет.

Ветрова спросила:

— Зачем вам Савельев?

— Чтобы понять, кто предложил мне место раньше вас.

Руднев резко посмотрел на нее.

Она смотрела только на Волкова.

— Материалы закрыты.

— Значит, есть что закрывать.

— У всех есть что закрывать.

— Мне нужны не все.

Пауза.

— Сегодня вечером, — сказала она. — Частично.

— Полностью.

— Частично. Иначе ничего.

— Хорошо.

Тихонов резко повернулся.

— Что значит хорошо? Ты только что торговался как ненормальный.

— Иногда надо взять часть, чтобы понять, где спрятали целое.

Ветрова едва заметно улыбнулась.

— Вы учитесь.

— Нет.

— А что?

— Вспоминаю.

Она не спросила что именно.

И Волкову это не понравилось.

Они вышли через боковой коридор.

На улице стало светлее, но город не выглядел живее. Мокрый снег переходил в дождь.

Тихонов остановился у машины.

— Артём. Что он сказал?

— Савельев отправил сигнал наверх. По мне.

— Не удивлен.

— Почему?

— Савельев никогда не смотрел на тебя как на человека, которого надо спасти.

— А как?

Тихонов посмотрел на здание.

— Как на оружие, которое пока лежит не в том сейфе.

Это было почти то же, что сказал Грачёв.

Только другими словами.

— Ты примешь? — спросил Тихонов.

Волков посмотрел на мокрую Москву, серые здания, камеры, машину с включенным двигателем.

— Да.

Тихонов закрыл глаза.

— Черт.

— Но не так, как они хотят.

— Все так говорят перед тем, как начинают делать именно так, как хотят они.

— Возможно.

— Тогда зачем?

Ответ пришел не сразу.

— Потому что если место уже приготовили, лучше сесть в него первым.

Тихонов сел рядом.

— А если под ним мина?

Волков посмотрел вперед.

— Тогда надо понять, кто держит пульт.

Машина тронулась.

Позади остался медицинский блок, где Грачёв еще был жив, еще мог говорить и уже был слишком опасен, чтобы оставаться живым долго.

Москва дала Волкову десять минут без записи.

Но в комнате всё равно осталось главное.

Выбор.

И он сделал первый шаг к тому, чтобы перестать быть человеком, которого вызывают.

И стать человеком, к которому вызывают других.

Глава 3

Частичный доступ

Частичный доступ оказался комнатой с одним столом.

В Москве любили превращать власть в помещение.

Чем выше уровень, тем меньше предметов. На нижних этажах власть выглядела как папки, кофейные пятна, принтеры, красные глаза и чужие подписи. На среднем — как турникеты, приемные, графики и двери с табличками. На верхнем — как пустой стол, выключенный экран и человек, который не объясняет, почему ты должен ждать.

Волков ждал восемнадцать минут.

Тихонова в комнату не пустили.

Егор остался в коридоре и успел сказать перед закрытием двери:

— Если я начну орать, значит, меня убивают. Если орать начнет кто-то другой, значит, я возражаю.

Дверь закрылась.

На стене не было часов. В таких комнатах человеку не показывали время. Ему давали почувствовать, что время теперь принадлежит не ему.

Волков закрыл глаза.

Не для отдыха.

Он прокручивал разговор с Грачёвым.

Савельев отправил сигнал наверх. Савельеву когда-то предлагали место. Савельев инвестирует в будущую вину.

Не предаст напрямую — заставит тебя подписать объяснение, почему предательство было необходимо.

Эта фраза не выходила из головы.

Грачёв мог лгать. Точно лгал в деталях. Но в главном сказал нечто слишком полезное, чтобы быть случайным.

Дверь открылась.

Ветрова вошла одна.

В руках у нее был планшет.

Она положила его экраном вниз.

— У вас двадцать минут.

— Утром было десять.

— Вы растете.

— Или дорожаете.

— Это одно и то же только для людей, которые уже проиграли.

Она села напротив. В ее лице было меньше официального и больше личного интереса. Но личный интерес у Ветровой не означал тепла. Человек, которого она начинала изучать всерьез, становился для нее не ближе, а опаснее.

— Материалы по Савельеву, — сказал Волков.

— Частично.

— Вы уже говорили.

— А вы уже согласились.

— Я согласился посмотреть. Не принять.

Ветрова включила планшет.

На экране появился файл:

САВЕЛЬЕВ П. А.

Фрагменты служебной оценки. Доступ ограничен.

— Вы читаете сами? — спросил Волков.

— Да.

— Почему?

— Копии вы не получите.

— Тогда это не доступ.

— Это демонстрация, что доступ существует.

— Вы хотите, чтобы я поверил, что у вас есть больше.

— Нет. Чтобы вы поняли: больше есть не только у нас.

Она провела пальцем по экрану.

— Павел Андреевич Савельев. Служба с девяностых. Кавказ, юг, экономические контуры, межведомственная координация. Формально — устойчивый результат. Неформально — слишком часто рядом с ситуациями, после которых исчезали документы, свидетели или оба сразу.

— Доказательства?

— Если бы они были в этом файле, он бы не прожил столько лет.

— Значит, слухи.

— Слухи — разведанные, которые еще не нашли протокол.

Она открыла фотографию Савельева двадцатилетней давности.

Рядом — молодой Грачёв.

И третий человек.

— Кто это?

— Андрей Лагутин.

Волков запомнил совпадение слишком быстро, чтобы Ветрова не заметила.

— Грачёв сказал вам имя.

— Да.

— Хорошо.

— Для кого?

— Для нас обоих. Теперь я знаю, что Грачёв еще не полностью бесполезен.

— Живой?

— Пока.

Снова это слово.

Волков посмотрел на фотографию.

— Лагутин был с Савельевым. И с Грачёвым. В 2014-м?

— Началось раньше. Но ключевая связка — да. Юг, объекты, временные пункты, закрытые маршруты, перемещение имущества и людей под видом обеспечения безопасности.

— “Имущества и людей” в одной строке?

— Так писали не мы.

Она открыла следующий файл.

Скан документа.

Плохой, но читаемый.

Справка о временном перемещении имущества.

Объект: Южный корпус.

Ответственный за безопасность: А. В. Лагутин.

Координация: П. А. Савельев.

Местное сопровождение: Р. И. Грачёв.

Дата: март 2014 года.

Волков прочитал дважды.

— Это не про тело.

— Нет.

— Но про те же дни.

— Скорее всего.

— Вы знали про Лагутина до разговора с Грачёвым.

— Знала.

— Почему не сказали?

— Проверяла, скажет ли он.

— И?

— Сказал вам. Значит, считает вас либо шансом, либо последним способом испортить игру Савельеву.

— А вы?

— Считаю вас проблемой, которую можно временно направить.

— Честно.

— Осторожно.

Ветрова открыла аудиозапись.

Голос был мужской. Низкий. Спокойный. С легкой хрипотцой.

— **Передайте Павлу Андреевичу: старая ткань всплыла. Если он думает, что я снова уберу за ним, пусть сначала вспомнит цену 2014-го.**

Запись оборвалась.

— Когда? — спросил Волков.

— Сегодня утром.

— Кому звонил?

— На один из старых номеров Савельева.

— Савельев ответил?

— Нет.

— Но получил?

— Да.

— Откуда запись у вас?

Ветрова выключила звук.

— Вы правда хотите услышать ответ?

— Да.

— Потому что мы слушаем не только тех, кого считаем врагами.

— Савельев знает?

— Конечно.

— Тогда он позволил вам услышать.

— Возможно.

— Значит, хотел, чтобы Лагутин появился в поле.

— Или хотел, чтобы мы так подумали.

Ветрова почти улыбнулась.

— Теперь вы понимаете, почему Павел Андреевич живет долго.

Волков понимал.

Савельев превращал даже чужое наблюдение в собственный канал связи. Его слушали — он говорил так, чтобы слушающие стали частью сообщения. Его проверяли — он оставлял именно те следы, которые должны были найти. Его спасали — и потом выяснялось, что спаситель должен ему больше, чем получил.

— Где Савельев сейчас?

— В Москве.

— Не в больнице?

— Уже нет.

— После ранения?

— Павел Андреевич не любит больницы. Там слишком много людей, которые имеют право трогать твоё тело без разрешения.

— Где он?

— В квартире под наблюдением.

— Чьим?

— Разным.

— Мне нужен разговор.

Ветрова посмотрела спокойно.

— Нет.

— Почему?

— Савельев сделает с вами то, что не успел сделать Грачёв.

— Что?

— Заставит почувствовать себя выбранным.

Формулировка была точной.

Савельев умел не уговаривать, а выбирать. Он смотрел так, будто уже видел место человека в будущей схеме. Меркулов делал почти то же, но холоднее. Савельев был опаснее, потому что в нем оставалось что-то от наставника.

— Вы боитесь, что я соглашусь с ним?

— Я боюсь, что вы согласитесь с собой, используя его слова.

Волков впервые позволил себе взгляд с интересом.

— Вы хорошо работаете.

— Да.

— Поэтому вас не любят.

— Меня не любят не поэтому.

— А почему?

— Потому что я редко ошибаюсь в людях до того, как они успевают себе понравиться.
Она закрыла файл.

— На сегодня достаточно.

— Нет.

— Да.

— У вас есть еще один файл.

— Конечно.

— По моему отцу.

Ветрова не изменилась в лице.

Но пальцы остановились.

— Почему решили?

— Руднев показал фотографию, которой не было в материалах семьи. Номер Корнеева всплыл в деле отца. Грачёв намекал на старые связи, но не стал разворачивать. И вы ни разу не произнесли его имя, хотя должны были использовать как давление.

— Должна была?

— Если бы хотели напугать. Но вы хотите, чтобы я сам попросил.

Ветрова убрала планшет.

— Просите?

— Нет.

— Почему?

— Если попрошу, вы решите, что нашли главный рычаг.

— А если не попросите?

— Все равно решите. Но без доказательств.

Она смотрела несколько секунд.

Потом тихо сказала:

— Ваш отец был осторожным человеком.

Волков не ответил.

— Осторожные люди редко погибают в простых авариях.

— Это угроза?

— Нет. Предупреждение.

— От кого?

— От вас самого.

Он встал.

— Мне нужен Лагутин.

— Всем нужен Лагутин.

— Всем нужно, чтобы он либо заговорил правильно, либо умер вовремя.

— А вам?

Волков посмотрел на закрытый планшет.

— Мне нужно понять, кого он боится больше Савельева.

Ветрова тоже встала.

— Вечером будет утверждение по вашей новой роли.

— Я еще не дал согласие.

— Дали.

— Когда?

— Когда попросили материалы по Савельеву вместо гарантий для себя.

Волков не ответил.

Человек, который не собирается входить в игру, спрашивает о правилах выхода.

Он спросил о другом игроке.

— Руднев отвезет вас в гостиницу, — сказала Ветрова. — До вечера не покидайте ее без уведомления.

— Это приказ?

— Просьба.

— С последствиями?

— В Москве все просьбы с последствиями.

В коридоре стоял Тихонов.

Слишком близко к двери.

Значит, пытался слушать.

Судя по лицу — ничего не услышал и был оскорблен.

— Ну что?

— Гостиница.

— У нас экскурсионная программа? А я думал, после Грачёва будет обед, адвокат и нервный срыв.

Ветрова посмотрела на него.

— Адвокат вам не нужен.

— Вот такие фразы обычно и означают, что нужен.

У выхода Руднев вернул оружие.

— Номера на разных этажах.

— Нет, — сказал Волков.

— Уже утверждено.

— Измените.

— Зачем?

— Если нас хотят разделить, значит, кому-то это нужно. Я не хочу облегчать работу неизвестному человеку.

— Вы переоцениваете свою важность.

— Тогда поселите рядом. Это ничего не изменит.

Руднев чуть улыбнулся.

— Хорошо.

— И без случайных соседей.

— Это сложнее.

— Значит, постарайтесь.

Тихонов посмотрел на него.

— Ты начинаешь звучать как человек, которому уже дали кабинет.

— Еще нет.

— Это и пугает.

Гостиница была ведомственная, но маскировалась под обычную. Стеклопакетные двери, стойка ресепшена, женщина с профессиональной улыбкой, охранник у лифта, который не смотрел на гостей, потому что уже знал, кого надо видеть.

Номера дали соседние.

В комнате Волкова было стандартно: кровать, стол, телевизор, мини-бар, шкаф, окно на соседнее здание. Слишком чисто, слишком нейтрально, слишком удобно для наблюдения.

Тихонов включил воду в ванной, телевизор, задернул шторы.

— Говори.

— Лагутин жив. Связан с Савельевым, Грачёвым и 2014-м. Сегодня звонил на старый номер Савельева. Сказал: “старая ткань всплыла”.

— Ткань Кравцовой?

— Да.

— Значит, знает про рынок.

— Или ему сказали.

— Кто?

— Савельев. Ветрова. Меркулов. Сам Рябой своим эфиром. Вариантов много.

Тихонов прошелся по комнате.

— Если Лагутин был при теле Елены...

— Он может знать, кто убил.

— Или сам убил.

— Да.

— И теперь всплыл не потому, что совесть, а потому что старые хозяева начали зачищать концы.

— Скорее торговаться.

— С кем?

— С тем, кто предложит жизнь дороже.

— И ты хочешь предложить?

— Нет. Я хочу, чтобы он пришел не к ним.

— Это то же самое с другой интонацией.

Волков молчал.

Тихонов сел в кресло.

— Артём, ты понимаешь, что происходит?

— Да.

— Нет. Ты понимаешь схему. А они уже заставили тебя думать как они. Ты говоришь: “Лагутин нужен”, “Савельев связан”, “доступ частичный”, “должность можно использовать”. Ты не говоришь: “как вытащить Алину и Михаила”.

— Потому что если не понять схему, их не вытащить.

— А если пока ты понимаешь схему, их найдут?

Это было справедливо.

И неприятно.

— Их ищут через женскую сеть, — сказал Волков. — Значит, надо ударить не по поиску.

По координатору поиска.

— Меркулов?

— Нет. Сейчас — Савельев.

— Думаешь, он знает, где они?

— Нет. Но может знать, кто знает.

— Виктория?

Имя прозвучало впервые.

Виктория Савельева была слишком умна, чтобы исчезнуть после первой книги. Слишком обижена, чтобы отступить. Слишком похожа на отца, чтобы не иметь собственного плана.

— Возможно.

Телефон Волкова оставался в экранирующем пакете.

Он достал его.

— Нужно связаться с Мариной.

— Они ждут, что ты это сделаешь.

— Да.

— Тогда не делай.

— Сделаю. Но не сам.

Тихонов посмотрел на него.

— Я уже ненавижу этот план.

— Позвонишь Оксане.

— Почему я?

— Твой телефон тоже слушают, но считают тебя менее дисциплинированным. Если позвонишь ты, это будет выглядеть как личная инициатива.

— А если решат, что я твой канал?

— Они уже так решили.

— Спасибо за комфорт.

— Передашь одну фразу: “Проверьте Лагутина через старые охранные контракты и Викторию Савельеву”. И спроси, выходила ли Марина на связь с Алиной.

— Она не скажет.

— Значит, услышим, как не скажет.

Тихонов встал.

— Ты стал хуже.

— Да.

— Я не комплимент сделал.

— Я понял.

— Раньше ты использовал людей, когда считал, что другого выхода нет. Сейчас начинаешь искать, как использовать их красиво.

Волков не ответил.

Тихонов открыл дверь.

— Я позвоню. Но если Оксана спросит, это моя глупость.

— Она спросит.

— Тогда скажу правду: я работаю с человеком, который постепенно превращается в проблему, но пока еще нужен живым.

Он вышел.

Волков остался один.

На столе завибрировал гостиничный телефон.

Стационарный.

Он снял трубку.

— Да.

Женский голос сказал:

— Артём Сергеевич?

Тихий, искаженный, но знакомый.

Не Ветрова.

Не Марина.

Виктория Савельева.

— Слушаю.

— Не ищите Лагутина через отца.

— Почему?

— Потому что отец сам хочет, чтобы вы его нашли.

— А вы?

Пауза.

— А я хочу найти первой.

— Зачем звоните мне?

— У нас впервые совпали интересы.

— Сомневаюсь.

— Тогда слушайте. Сегодня вечером вам предложат должность. Согласитесь.

— Все сегодня дают одинаковый совет.

— Нет. Остальные хотят, чтобы вы вошли в клетку. Я хочу, чтобы вы взяли ключ.

— От какой двери?

— От той, за которой держат не Грачёва.

— Кого?

Виктория ответила не сразу.

— Вашего отца не убили из-за старого дела. Его убили из-за того, что он отказался подписать новое.

Линия оборвалась.

Волков стоял с трубкой в руке.

За стеной работал телевизор.

В ванной шумела вода.

За окном мокрая Москва темнела перед вечером.

И впервые с момента прилета Волков почувствовал не давление.

А направление.

Отец. Савельев. Лагутин. Виктория. Михаил. Наследование. Должность.

Все линии начали сходиться не в прошлом.

В будущем.

В семь вечера его должны были утвердить.

Теперь он знал: согласие станет не уступкой.

А входом.

Вопрос был только в том, кто первым поймет, что он вошел не туда, куда его пригласили.

Глава 4

Утверждение

В семь вечера за ними приехала другая машина.

Не та, что привезла в гостиницу.

В Москве это тоже было языком.

Одну машину дают свидетелю. Другую — человеку, которого проверяют. Третью — тому, кого уже начали считать частью маршрута.

Волков посмотрел на черный седан у входа и понял: сейчас его повезут не на разговор.

На оформление.

Тихонов вышел из соседнего номера уже в куртке. Лицо недовольное, но собранное. Он успел обыскать комнату, позвонить Оксане, поругаться с охраной и найти в мини-баре шоколад, который назвал единственным честным участником московской операции.

— Оксана трубку взяла? — спросил Волков.

— Взяла.

— Что сказала?

— Сначала спросила, живы ли мы. Потом — почему я звоню ей, а не Марине. Потом — почему говорю так, будто рядом прокурор, психолог и человек с паяльником.

— Ты передал?

— Про Лагутина — да. Про Викторию — да. Про Алину спросил.

— И?

— Она не сказала.

— Как?

— Слишком быстро. Значит, Марина с Алиной на связи или была недавно. Оксана умеет молчать, но когда ее спрашивают о людях, которых она реально защищает, у нее появляется злость в голосе.

— Хорошо.

— Нет, Артём. Хорошо — это когда люди в безопасности. А у нас “не нашли” и “не сказали” почему-то уже считаются хорошими новостями.

Они спустились вниз.

У машины стоял Руднев. На этот раз без улыбки.

— Поедем втроем.

Тихонов посмотрел на вторую машину у обочины.

— А она зачем?

— Сопровождение.

— Вежливое?

— Не мешайте себе верить в лучшее.

Москва к вечеру стала плотнее. Дождь усилился, фары растекались по стеклу. Люди на переходах шли быстро, опустив головы, будто город гнал их не погодой, а обязанностью. На экранах обещали безопасность. Всё выглядело как угроза в красивой упаковке.

— Перед встречей подпишете документ, — сказал Руднев.

— Вот. Началось родное, — оживился Тихонов. — Признание, завещание или расписка, что мы сами попросили?

— Обязательство о неразглашении.

— А если не подпишем?

— Вас не допустят к материалам.

Волков смотрел в окно.

— Материалы покажут после согласия на должность?

— Частично до. Полностью после утверждения.

— “Полностью” в Москве значит “следующий уровень частично”.

— Вы быстро учите диалект.

Машина приехала не в здание на минус втором этаже.

Это был старый особняк недалеко от центра. Светлый фасад, колонны, тяжелая дверь, табличка какого-то экспертного центра. Ни автоматчиков, ни шлагбаума. Только мужчина с зонтом, слишком неподвижный для курьера.

Волков понял: место выбирали не для секретности.

Для символа.

Не подвал. Не кабинет. Не допросная.

Особняк.

Здесь власть хотела выглядеть наследственной, спокойной, давно оформленной.

Внутри пахло деревом, кожей и дорогим табаком. Женщина на ресепшене увидела Руднева и молча нажала кнопку.

Их провели в зал с длинным столом.

За столом сидели трое.

Ветрова — слева.

Меркулов — справа.

В центре — Константин Андреевич Белозёров.

Он был старше Меркулова, тяжелее, неподвижнее. В нем не было ни мертвой интеллигентности Меркулова, ни холодной аналитичности Ветровой. Белозёров выглядел человеком, который редко делает ходы сам, потому что привык передвигать тех, кто ходит.

Он посмотрел на Волкова.

— Артём Сергеевич.

— Константин Андреевич.

Белозёров чуть улыбнулся.

— Уже знаете?

— Вы сидите по центру.

— Иногда центр — просто место за столом.

— Не в таких комнатах.

Тихонов тихо сказал:

— Хорошо начали. Я почти расслабился.

— Егор Андреевич, садитесь, — сказал Белозёров. — Сегодня вы не главный участник разговора, но важный свидетель.

— В моей жизни это обычно заканчивается плохо.

Перед Волковым лежала папка. Перед Тихоновым — ничего.

Тихонов заметил это и сразу стал злее.

Белозёров открыл разговор без вступлений.

— Сочи создал проблему. Грачёв стал проблемой. Публичность стала проблемой. Мальчик стал проблемой. Вы, Артём Сергеевич, можете стать либо частью решения, либо следующей проблемой.

— Я уже проблема.

— Пока управляемая.

— Ошибка.

Ветрова посмотрела внимательнее.

Белозёров не обиделся.

— Поэтому мы и говорим.

Меркулов молчал. Наблюдал. Не потому, что был слабее Белозёрова. А потому, что хотел увидеть, как Волков поведет себя перед человеком, который не станет уговаривать.

Белозёров положил ладонь на папку.

— Вам предлагается временная должность специального координатора по стабилизации ситуации в Сочи после задержания Грачёва. Формально — материалы, проверки, взаимодействие с местными структурами и федеральным контуром. Неформально — находите то, что еще можно найти, и не дайте этому взорваться раньше времени.

— А если оно должно взорваться?

— Ничто не должно взрываться без расчета.

— Вот она, философия пожарной безопасности, — пробормотал Тихонов.

Белозёров продолжил:

— Вы получите доступ к материалам по Аронову, Кравцовой, южным объектам, части архивных линий и поисковым группам по Назаровой и мальчику.

— У мальчика есть имя, — сказал Волков.

— У всех есть имя. В документах это не всегда помогает.

— Помогает помнить, что это человек.

— Вот это и будет вашей слабостью.

Волков открыл папку.

Проект назначения. Обязательство о неразглашении. Перечень полномочий. Перечень ограничений.

Он читал не торопясь.

Москва умела ждать, когда хотела казаться сильной.

— Здесь нет главного, — сказал он наконец.

— Чего?

— Гарантий.

— Вам предлагают полномочия.

— Это не гарантии.

— Какие вы хотите?

— Алина Назарова и Михаил Нестеров не передаются Меркулову, Савельеву, фонду, местным структурам или любой группе, не согласованной со мной, до выяснения их статуса.

В комнате стало тише.

Меркулов слегка наклонил голову.

— Смело.

— Очевидно.

Белозёров посмотрел на Ветрову.

— Формально возможно, — сказала она. — Как временный режим защиты потенциальных свидетелей.

— Они не свидетели, — сказал Волков.

— Для бумаги — свидетели. Для жизни можете считать иначе.

— Второе. Марина Крылова, Оксана Литвинова, Никита Рябой и оператор Славик не трогаются по первой волне публикаций.

Белозёров усмехнулся.

— Иммунитет для медийной группы?

— Отсрочка от глупости. Если их тронут сейчас, всё, что они держат, уйдет в сеть.

— Блеф?

— Проверьте.

Ветрова сказала:

— Не блеф. Крылова не выложила всё. Значит, у нее есть пакет на случай давления.

— Приятно, когда в Москве иногда думают, — тихо сказал Тихонов.

— Третье? — спросил Белозёров.

— Доступ к материалам по Павлу Савельеву.

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

Савельева защищали не потому, что не знали.

А потому, что знали слишком много.

— Тогда я не подпишу.

— Не переоценивайте себя.

— Я оцениваю вашу потребность.

Меркулов вмешался:

— Артём Сергеевич, потребность есть и у вас. Вы хотите найти Лагутина, понять Савельева, выйти на Алину и Михаила раньше остальных. Без статуса вы будете бегать между закрытыми дверями.

— А со статусом?

— Вас хотя бы будут пускать в коридоры.

— Но не в комнаты.

— Комнаты открывают не статусом.

— А чем?

Меркулов посмотрел ему в глаза.

— Полезностью.

Белозёров сказал:

— По Савельеву полного доступа не будет. Будет расширенный частичный.

Тихонов фыркнул.

— Как “немного беременна”, только по-московски.

Волков перевернул лист.

— Мне нужен письменный пункт по Назаровой и Михаилу.

— Будет устный.

— Нет.

— Вы не в позиции диктовать.

— Тогда зачем бумага?

Белозёров впервые раздраженно провел пальцами по столу.

Маленькое движение.

Волков отметил.

Ветрова сказала:

— Можно включить пункт о согласовании действий в отношении лиц, имеющих значение для проверки, через назначенного координатора.

— Слабая формулировка.

— Рабочая.

— Добавьте: “до отдельного распоряжения”.

— Это даст вам временное право блокировать группы.

— Именно.

Белозёров посмотрел на Ветрову.

— Риск?

— Высокий. Но контролируемый.

Меркулов тихо усмехнулся.

— В этом здании любят такие слова.

— Вы против? — спросил Белозёров.

Меркулов ответил не сразу.

— Нет.

Слишком спокойно.

Значит, уже нашел обход.

Волков понял и всё равно не отказался. Власть всегда оставляла обходы. Вопрос был не в том, чтобы закрыть все двери. Вопрос — заставить противника открывать их шумно.

— По Крыловой и остальным официальных гарантий не будет, — сказал Белозёров.

— Тогда хочу неофициальные.

— От кого?

— От вас.

Тихонов посмотрел на Волкова так, будто тот предложил Белозёрову спеть.

Белозёров спросил:

— Вы понимаете разницу между письменной гарантией и моим словом?

— Да. Письменную можно потерять. Ваше слово кто-то должен будет нарушить вслух.

Белозёров медленно откинулся на спинку кресла.

— Вы опасно быстро адаптируетесь.

— Нет. У вас простая среда.

— Простая?

— Все хотят власти, но называют ее ответственностью.

Меркулов тихо рассмеялся.

Белозёров не улыбнулся.

— Хорошо. Крылову и ее группу пока не трогают по первой волне публикаций. Если будет новый слив — разговор отдельный.

— “Пока” сколько?

— Семьдесят два часа.

— Неделя.

— Трое суток.

— Пять дней.

— Вы торгуетесь за журналистку.

— Я торгуюсь за тишину.

Фраза понравилась всем.

И именно поэтому Волкову стало неприятно.

— Пять дней, — сказал Белозёров.

Волков взял ручку.

Остановился.

— Последний пункт.

— Конечно.

— Тихонов идет со мной. Моим заместителем по оперативной работе.

— Что? — резко повернулся Егор.

Реакция была настоящей.

Значит, за столом сразу поняли: Волков не согласовывал это заранее.

— Он проблемный, — сказал Белозёров.

— Поэтому.

— Низкая дисциплина.

— Компенсируется лояльностью.

— К вам, не к структуре.

— Структура сейчас покупает меня. Не его.

Ветрова посмотрела на Тихонова.

— Егор Андреевич?

— Я хочу заявить, что я вообще-то присутствую.

— Вы согласны?

— Нет.

Пауза.

Тихонов продолжил:

— Но если он все равно полезет в эту мясорубку, лучше я буду рядом, чтобы иногда говорить ему, что он идиот.

— Это не служебная мотивация.

— Зато честная. В отличие от вашей папки.

Ветрова сказала:

— Тихонов полезен. Его недисциплинированность делает его менее предсказуемым для внешних групп.

— Переведите, — сказал Тихонов.

Волков ответил:

— Ты раздражаешь людей правильно.

— Наконец-то карьерный рост по профилю.

Белозёров кивнул.

— Хорошо. Временно. Без допуска к верхним материалам.

— Ему нужен доступ к тому, что вижу я.

— Нет.

— Тогда он не работает.

— Артём, — сказал Тихонов тихо. — Не надо.

— Надо.

Белозёров смотрел на Волкова долго.

— Оперативные материалы — да. Верхний контур — нет.

— Верхний контур я буду пересказывать сам.

— Под вашу ответственность.

— Под мою.

Вот он.

Первый крючок.

Ответственность, взятая добровольно.

Белозёров не скрывал, что заметил.

Через несколько минут документы распечатали заново. Маленький принтер в соседней комнате шумел буднично. Так оформлялись большие повороты: не громом, не речами, а тихим жужжанием аппарата, который выплевывает бумагу.

Волков подписал первым.

Артём Сергеевич Волков.

Тихонов подписал следом, ругаясь себе под нос.

Белозёров поставил подпись последним.

— Поздравляю, Артём Сергеевич.

— С чем?

— С повышением.

— Это не повышение.

— Пока нет.

Меркулов встал.

— Теперь у вас есть кабинет, люди, доступ и враги, которые еще утром считали вас помехой.

— А теперь?

— Возможностью.

Ветрова передала Волкову тонкую черную папку.

— Первичный пакет. Поиск Назаровой и Михаила. Лагутин. Группы в Сочи. Каналы утечек. Работать начнете немедленно.

— Где?

— Здесь.

— Нет. Если я остаюсь в Москве, Сочи зачистят без меня.

— Сочи уже зачищают.

Волков открыл папку.

Сводка на 18:40.

Контакт “Лена” не установлен. Возможный след ребенка — Ростовское направление. Группа “Вектор” вышла на старый адрес Назаровой. “Юг-3” проверяет медицинский канал. Крылова под пассивным наблюдением. Рябой сменил место ночевки. Сафонов без движения. Савельев П. А. контактировал с неизвестным номером. Предположительно: Лагутин А. В.

— Кто ведет Ростовское направление?

— Не ваша группа, — сказала Ветрова.

— Теперь моя.

— Не полностью.

— Тогда мальчика найдут без меня.

Белозёров сказал:

— Вы только что получили полномочия и уже расширяете их?

— Я выполняю задачу.

— Быстро.

— Вы сами сказали — немедленно.

Белозёров усмехнулся.

— Юлия Станиславовна, дайте ему канал по Ростову.

— Это риск.

— Все уже риск.

Телефон Ветровой завибрировал.

Она посмотрела на экран.

И впервые за вечер ее лицо изменилось заметно.

— Что? — спросил Меркулов.

Ветрова перевела взгляд на Волкова.

— Рябой вышел в эфир.

— О чем?

Она включила звук.

На экране появился Никита Рябой. Усталый, злой, за спиной темная комната. Он говорил тише обычного. Поэтому звучал опаснее.

— Если вы смотрите это видео, значит, я еще жив и пока не в отделе. У меня вопрос к людям, которые сегодня решили договориться наверху. Почему после задержания Грачёва по городу ходят люди, представляются федеральной группой и дают волонтеров, свидетелей и бывших сотрудников санаториев? Почему днем пытались вывезти женщину, которая видела документы по “Южной орбите”? И почему фамилия Лагутин снова всплыла там, где раньше появлялись трупы?

В комнате стало тихо.

Тихонов медленно повернулся к Волкову.

— Оксана бы так быстро не успела.

— Нет, — сказал Волков.

Рябой продолжал:

— Я не знаю, кто такой Андрей Лагутин. Но после того, как его имя начали искать, один человек прислал мне сообщение: “Старая ткань была не первой”. Если это правда, Елена Кравцова была не единственной. И если меня сейчас положат лицом в пол, вы хотя бы будете знать, почему.

Видео оборвалось.

Именно оборвалось.

Ветрова резко встала.

— Откуда у него Лагутин?

Тихонов посмотрел на Волкова.

Волков ничего не сказал.

Белозёров медленно повернулся к нему.

— Артём Сергеевич.

— Это не я.

— Но это ваш канал.

— Уже нет.

— Что значит “уже”?

Волков смотрел на темный экран.

Рябой получил имя Лагутина слишком быстро. Оксана могла передать, но не успела бы собрать вторую фразу. Марина могла знать через Алину, но почему именно сейчас?

Виктория?

Савельев?

Сам Лагутин?

Старая ткань была не первой.

Значит, дело расширилось.

Не одна подмена. Не одна смерть. Не один ребенок.

Волков закрыл папку.

— Мне нужен самолет в Сочи.

— Нет, — резко сказала Ветрова.

— Тогда Ростов.

— Вы не будете сейчас метаться по стране.

— Буду, если там след Михаила.

Белозёров сказал:

— Первое решение после утверждения должно быть взвешенным.

— Оно взвешенное.

— За десять секунд?

— Нет. С утра.

Меркулов смотрел на Волкова так, будто видел именно то, ради чего ждал весь вечер.

— Вы куда? — спросил он.

Волков ответил не сразу.

— Не в Сочи. Не в Ростов. К Рябому.

— Его местоположение неизвестно, — сказала Ветрова.

— Значит, он жив.

— Откуда вывод?

— Если бы его уже взяли, местоположение было бы известно всем, кто хочет сделать вид, что ничего не произошло.

Белозёров посмотрел на Ветрову.

— Найдите.

— И что дальше?

Волков взял папку.

— Дальше я начну с того, с чего должен был начать новый координатор.

— С чего?

— С защиты самого шумного человека в деле.

Тихонов медленно усмехнулся.

— Никита будет счастлив, когда узнает, что стал государственным приоритетом.

Волков направился к выходу.

Руднев шагнул было вперед, но Белозёров поднял руку.

— Пусть.

Ветрова посмотрела на него с недовольством.

— Он еще не понимает рамки.

Белозёров проводил Волкова взглядом.

— Зато уже проверяет, где они стоят.

Меркулов тихо сказал:

— Нет.

— Что?

Меркулов смотрел на закрывшуюся дверь.

— Он проверяет не рамки.

— А что?

— Кто первым побежит их держать.

В коридоре Тихонов догнал Волкова.

— Мы правда едем спасать Рябого?

— Да.

— После того как из-за нас он сказал в эфире имя Лагутина?

— Именно.

— Ты понимаешь, что если с ним что-то случится, это повесят на тебя?

— Да.

— И всё равно?

Волков шел быстро.

— Егор.

— Что?

— Я только что подписал должность.

— Я заметил.

— Значит, пора сделать так, чтобы они пожалели не о том, что дали мне власть.

— А о чем?

Волков остановился у лестницы и посмотрел на него.

— Что дали ее недостаточно.

Глава 5

Самый шумный человек

Рябого нашли через сорок две минуты.

Не потому, что Москва работала быстро.

Потому что Рябой сам оставлял следы так, будто ненавидел тишину даже в бегстве.

Он сменил три машины, отключил основной телефон, ушел из квартиры знакомого волонтера до приезда неизвестных людей и попытался спрятаться в старой монтажной студии знакомого оператора. Там когда-то снимали рекламу мебели, ролики для местных выборов и свадебные фильмы с плохой музыкой.

Почти разумно.

Если бы Никита не включил резервный ноутбук, не вошел в старый аккаунт и не загрузил черновик нового видео в облако.

Ветрова получила координату первой.

Руднев — через десять секунд.

Волков — через Руднева, потому что теперь имел статус, который позволял не просить, а требовать пересылку.

Странное ощущение.

Утром за ним наблюдали в аэропорту. Днем тестировали. Вечером он подписал бумагу. И теперь люди, которые несколько часов назад решали, сколько информации ему дать, сами отправляли адрес.

Не потому, что доверяли.

Потому что ответственность уже начали перекладывать.

Машина неслась по мокрой Москве.

Волков сидел сзади и смотрел в защищенный аппарат. На нем стояли три контакта: Руднев, Ветрова, оперативный канал. Ни Меркулова, ни Белозёрова.

Слишком показательно.

Тихонов сидел рядом и листал сводку.

— Студия на юго-востоке. Бывшее промздание. Третий этаж. Два выхода. Грузовой лифт. Камеры на входе не работают.

— Не работают или выключены?

— В Москве это зависит от того, кто спрашивает.

— Кто рядом?

— По нашей линии — никого. Не по нашей — две машины. Еще одна местная наружка делает вид, что случайно курит у магазина. И кто-то из полиции получил анонимный вызов о драке в здании.

— Когда?

— Семь минут назад.

Волков поднял глаза.

— Значит, его будут брать не силовики.

— А кто?

— Те, кто потом скажет: бытовой конфликт, сопротивление, случайная травма.

— Или чтобы он исчез до нашего приезда.

— Да.

Водитель молчал.

Руднев ехал впереди в другой машине. Волков настоял, чтобы машины разделились: первая — официальная, вторая — с ним и Тихоновым. Если за адресом наблюдали, пусть видят два центра и не понимают, где решение.

Ветрова не возражала.
Значит, уже просчитывала следующий ход.
Волков набрал Оксану.
Ответила она не сразу.

— Если вы звоните сказать, что Никиту нужно сдать вам для его же безопасности, можете начинать с извинений.

Голос злой.
Значит, она боялась.
— Где Марина?
— С какой целью интересуетесь?
— Никиту нашли.

Пауза.
— Кто?
— Все.
— Черт.
— Он в студии?
— Я не скажу.
— Уже не нужно. Скажите ему не бежать через главный выход.
— Он не возьмет трубку.
— Значит, напишите. Или позвоните тому, кто с ним.

Оксана замолчала.
Волков услышал на фоне дыхание. Не ее.

— Марина там?
— Нет.

Ответ быстрый.
Слишком.

— Хорошо. Тогда передайте ей, что имя Лагутина больше нельзя произносить в эфире без страховки.

— Вы правда думаете, что у нас есть эфиры со страховкой?
— Теперь должны быть.
— Вы уже говорите как начальник.
— Я теперь и есть начальник.

Пауза стала тяжелее.
— Вы приняли? — спросила Оксана.

— Да.
— Марина будет в восторге.
— Сомневаюсь.

— Нет, Артём Сергеевич. Вы уже знаете, что она увидит в этом предательство. И все равно приняли.

— Да.
Оксана выдохнула.
— Никита не доверяет вам.
— Правильно делает.

— Но?
— Сейчас ему лучше довериться тому, кого он боится, чем тем, кто хочет сделать вид, что его не было.

— Куда ему идти?
Волков посмотрел на карту здания.
— Не вниз. Не к грузовому лифту. Пусть поднимается на крышу.

— Крыша?

Тихонов резко повернулся к нему.

— Артём.

Волков поднял ладонь: молчи.

— На крыше старый технический выход к соседнему корпусу. На схеме закрыт, но в таких зданиях закрыто обычно то, что удобно забыли.

— А если закрыт реально?

— Тогда пусть шумит.

— Это он умеет.

— Оксана.

— Что?

— Если рядом с ним Марина, пусть не спорит со мной.

Оксана ответила не сразу.

— Ее там нет.

— Конечно.

Он отключился.

Тихонов смотрел на него.

— Ты отправил его на крышу, не зная, открыт ли переход.

— Да.

— И возможно, там уже ждут.

— Внизу точно ждут.

— Логика утопающего: если вода уже тут, пойдем в огонь.

— Иногда огонь видно дальше.

Машина свернула в промзону.

Света стало меньше. Дорога пошла между серыми корпусами, складами, заборами с ржавой сеткой и рекламой аренды помещений. Москва здесь переставала притворяться столицей и становилась механизмом: трубы, ворота, мокрый бетон, камеры, которые могли работать, а могли просто смотреть.

У здания студии уже стояла полицейская машина.

Еще одна — темный микроавтобус у дальнего въезда.

Руднев вышел из первой машины и подошел к Волкову.

— Местные уже внутри.

— Кто вызвал?

— Анонимно.

— Старший?

— Капитан Борисов.

— Он чей?

— Формально городской. Неформально пока не знаю.

— Плохо.

Руднев чуть сжал губы.

— За сорок минут я не успел разобрать всю Москву.

— Начните.

Тихонов усмехнулся.

— Поздравляю, Кирилл Михайлович, вас приняли в клуб раздражения.

У входа стояли двое полицейских.

Увидев удостоверение Руднева, они напряглись. Увидев удостоверение Волкова, напряглись иначе: не понимали, кто он теперь такой.

Это было полезно.

Новую власть бояться больше старой, потому что еще не знают, где у нее слабые места.

— Кто внутри? — спросил Волков.
— Группа поднялась.
— Сколько?
— Трое.
— Зачем?
— Вызов о драке.
— Где заявитель?
— Анонимный.
— Кто разрешил входить?
— Капитан Борисов.
— Где он?
— Внутри.

Волков пошел к двери.

Полицейский попытался остановить.

— Туда нельзя.

Тихонов посмотрел на него с сожалением.

— Молодой человек, сегодня это самая неудачная фраза.

Внутри пахло пылью, старой краской и мокрым цементом. В коридоре горели редкие лампы. На стенах висели указатели: «Студия 3», «Монтаж», «Склад декораций», «Выход». Некоторые стрелки были нарисованы маркером поверх старых табличек.

Из глубины донесся удар.

Потом крик.

Лифт не работал.

Они пошли по лестнице.

На площадке второго этажа Волков остановился.

Сверху слышались быстрые шаги. Кто-то бежал вниз.

— В сторону.

Сверху выскочил мужчина в серой куртке. Не полицейский. Не охрана. Руки пустые, но двигался как человек, который только что от чего-то избавился.

Он увидел Волкова и попытался развернуться.

Поздно.

Тихонов впечатал его в стену и заломил руку.

— Куда спешим?

— Я тут работаю!

— Все вы тут работаете. Страна трудолюбивая.

Руднев сфотографировал лицо.

Волков посмотрел на обувь.

Свежая грязь.

Не с улицы.

С крыши.

— Он был наверху.

— Откуда знаешь? — спросил Тихонов.

— Битум на подошве.

Мужчина дернулся.

— Ага, — сказал Тихонов. — Битум — враг лжецов.

На третьем этаже коридор был темнее. Дверь студии открыта. Внутри горел свет. На полу валялся штатив, стул был перевернут. У стены сидел парень с разбитой губой — не Рябой. Рядом стоял полицейский и смотрел в телефон.

— Где Никита? — спросил Волков.

Полицейский поднял голову.

— Вы кто?

Руднев вошел следом.

— Отойдите от телефона.

Полицейский замер.

— Я старшего жду.

— Где старший?

— На крыше.

Волков посмотрел на сидящего парня.

— Рябой где?

Тот поднял глаза.

— Ушел.

— Через крышу?

— Да.

— С кем?

— С Мариной.

Тихонов выругался.

Волков уже шел к выходу на крышу.

Руднев догнал.

— Подождите группу.

— Нет.

— Там может быть вооруженный контакт.

— Тогда тем более не ждите.

Они выбрались через металлическую дверь, выломанную изнутри.

Дождь бил в лицо.

Крыша была плоская, покрытая темным битумом, с лужами, вентиляционными коробами и низким парапетом. Вдали мигали огни города. Ближе — соседний корпус, соединенный с этим узким металлическим переходом без нормального ограждения с одной стороны.

На переходе стояли трое.

Рябой.

Марина.

И мужчина в черной куртке, который держал Марину за руку.

Не как заложницу.

Как человек, который тянет ее вперед быстрее, чем она готова.

Никита обернулся первым.

— Волков?!

В голосе было всё: злость, облегчение, недоверие и желание послать к черту, которое задержалось только потому, что ситуация была неудобной.

Марина тоже увидела Волкова.

Мокрые волосы прилипли к вискам, в руке телефон. Она выглядела не испуганной, а яростной.

— Не подходите! — крикнула она.

Но говорила не Волкову.

Мужчине в черной куртке.

Тот остановился на середине перехода и повернул голову.

Волков не знал его лица.

Но понял сразу.

Андрей Лагутин.

Не по фотографии. Здесь он был старше, суше, с серыми волосами у висков, короткой бородой и глазами человека, который долго жил без права расслабиться.

— Быстро, — сказал он.

Голос был тот же.

С аудиозаписи.

— Лагутин, — сказал Волков.

— Значит, Грачёв еще говорит.

— Пока.

— Недолго.

Марина резко посмотрела на Лагутина.

— Вы сказали, что хотите помочь.

— Я и помогаю.

Рябой крикнул:

— Отлично помогаете! Нас чуть не приняли внизу, потом вы тащите нас на крышу, а теперь стоите как злодей из плохого сериала!

— Никита, заткнись, — сказала Марина.

Лагутин не посмотрел на него.

— Волков, отзовите своих.

— Они не мои.

— Уже ваши.

Фраза ударила точнее, чем должна была.

Марина услышала.

Ее взгляд стал холоднее.

— Вы приняли должность? — спросила она.

Волков не ответил.

Этого хватило.

— Понятно.

Тихонов тихо сказал:

— Не лучшее время для семейной драмы.

Лагутин поднял правую руку.

В ней был не пистолет.

Флешка.

Обычная маленькая флешка с красной меткой.

— Здесь часть ответа.

— На что? — спросил Волков.

— Почему Михаила нельзя отдавать никому из них.

— Говорите.

— Не здесь.

— Тогда идите сюда.

Лагутин посмотрел вниз, в темный провал между корпусами.

— Вы правда думаете, что я прожил столько лет, чтобы перейти на вашу сторону на крыше перед федеральным куратором?

Руднев сказал:

— Андрей Викторович, вы задержаны.

Лагутин рассмеялся.

— Мальчик, я был задержан еще до того, как ты научился писать рапорты. Просто меня забыли оформить.

Руднев шагнул вперед.

Лагутин мгновенно отступил на край перехода, потянув Марину за собой.

Рябой схватил его за рукав.
— Эй!
Лагутин резко вывернулся, но не ударил.
Он не хотел причинить вред.
Пока.
Волков поднял руку.
— Стоять.
Руднев остановился.
Дождь усилился. Металлический переход блестел водой.
— Вы позвонили Савельеву, — сказал Волков.
— Да.
— Потом вышли на Рябого.
— Нет.
— Тогда кто?
Лагутин посмотрел на Марину.
— Она.
— Я не знала, кто он, — резко сказала Марина.
— Знали достаточно, чтобы прийти.
— Вы сказали, у вас есть данные по Кравцовой.
— Они есть.
— И по другим?
— Да.
— “Старая ткань была не первой”, — сказал Волков. — Что это значит?
Лагутин смотрел долго.
— В 2014-м умерла не одна женщина. Просто не всех хоронили под чужим именем.
Тихонов тихо выругался.
— Сколько? — спросил Волков.
— Семь.
Марина закрыла глаза.
Рябой перестал дергаться.
— И Михаил? — спросил Волков.
— Михаил — причина, по которой восьмого тела не было.
— Объясните.
— Нет.
— Почему?
— Потому что вы уже подписали.
Тишина между ними стала жестче дождя.
Марина смотрела на Волкова.
— Вы знали?
— Нет.
— Но подписали.
— Да.
Рябой сказал:
— Подписал что? Я один пропустил серию?
— Не сейчас, — буркнул Тихонов.
Лагутин поднял флешку выше.
— Волков, если хотите спасти мальчика, перестаньте думать, что доступ — это сила.
Доступ — это повод повесить на вас всё, что вы увидите.
— Дайте флешку.

— Нет.

— Тогда зачем пришли?

— Посмотреть, за кем вы побежите первым. За мной, за ними или за своей новой должностью.

— И?

Лагутин посмотрел на Марину и Рябого.

— Пока за ними.

— Значит, дайте флешку.

— Еще рано.

Он сделал резкое движение.

Не вперед.

Вбок.

К парашюту.

Тихонов дернулся, но Лагутин уже перебросил флешку через край.

Марина вскрикнула:

— Вы что делаете?!

Флешка ударилась о металлический козырек второго этажа, отскочила и исчезла на нижнем уровне.

— Теперь у вас есть причина спуститься, — сказал Лагутин.

Волков понял на полсекунды раньше остальных.

— Ложись!

Соседняя крыша вспыхнула коротким белым ударом.

Светошумовой заряд.

Грохот расколол воздух.

Марина упала на переход. Рябой заорал. Руднев отступил, прикрывая лицо. Тихонов бросился вперед. Волков рванул к переходу.

Из-за вентиляционного короба на соседней крыше появились двое в темной форме без знаков.

Не полиция.

Не городская группа.

Они шли к Лагутину.

Быстро.

Профессионально.

Лагутин бросил под ноги первому дымовую шашку.

Переход закрыло серым.

— Марина! — крикнул Волков.

— Здесь!

Она кашляла.

Рябой лежал рядом и матерился.

Тихонов уже был на переходе, держась за перила.

— Назад! — крикнул Волков.

— Да я сам рад!

В дыму раздался удар.

Потом второй.

Кто-то упал.

Лагутин появился на секунду у края дыма. Уже без Марины, без Рябого, один. На лице кровь — его или не его, непонятно.

Он посмотрел на Волкова и крикнул:

— Ростов — ложный след! Ищите не ребенка! Ищите женщину, которая умерла дважды!

Потом прыгнул.

Не вниз.

На пожарную лестницу сбоку, почти невидимую в темноте. Металл звякнул под его весом. Через секунду Лагутин исчез.

Тихонов вытащил Марину с перехода.

Волков схватил Рябого за куртку и дернул на себя. Тот был жив, только оглушен и зол.

— Я снимаю? — спросил он, моргая.

— Нет.

— Жаль.

Руднев говорил по рации:

— Блокировать периметр! Все выходы! Медиков сюда! Группу на соседнюю крышу!

Волков подошел к краю.

Внизу между корпусами двигались люди.

Слишком много.

Слишком поздно.

Лагутин исчез.

Но оставил фразу.

И флешку.

Тихонов подтащил Марину к двери.

Она резко оттолкнула его руку.

— Я сама.

Потом посмотрела на Волкова.

— Вы правда теперь с ними?

— Нет.

— А с кем?

Он не ответил сразу.

Старый ответ больше не работал. Нельзя сказать «с правдой», если только что подписал должность у людей, которые торгуют последствиями правды. Нельзя сказать «с вами», если не предупредил. Нельзя сказать «сам по себе», если уже взял полномочия.

— Пока с теми, кто жив, — сказал он.

Марина усмехнулась.

— Очень удобная формулировка.

— Да.

— Вы хотя бы понимаете, что она удобная?

— Да.

Это обезоружило ее на секунду.

Рябой, сидя на мокром битуме, поднял палец.

— Я хочу официально заявить, что не согласен быть живым в таком формате. Мне нужен чай, адвокат и миллион просмотров.

— Чай, может быть, — сказал Тихонов.

Руднев подошел к Волкову.

— Лагутин ушел. Но периметр перекрывается.

— Не перекрывается.

— Почему?

— Потому что люди, которые напали, пришли не за Рябым. И не за Мариной.

— За Лагутиным?

— Да.

— Чьи?

Волков посмотрел на дым над переходом.

— Не ваши.

Руднев побледнел.

Если существовала группа, действующая параллельно федеральному каналу, значит, новое назначение Волкова уже пытались обойти.

Или сорвать.

Или использовать.

Внизу где-то лежала флешка с красной меткой.

Если Лагутин не соврал.

Если флешка настоящая.

Если ее еще не подобрали.

— Егор.

— Я понял.

Тихонов уже шел к лестнице.

— Куда вы? — спросил Руднев.

— За причиной, из-за которой мы все сегодня не спим.

Марина двинулась следом.

Волков остановил ее.

— Вы останетесь здесь.

Она посмотрела на его руку.

— Уберите.

Он убрал.

— Внизу опасно.

— На крыше тоже оказалось не санаторий.

— Марина.

— Нет. Вы теперь можете говорить приказы своим людям. Я не ваша.

Фраза прозвучала слишком точно.

Рябой пробормотал:

— А я чей? Просто для понимания страховки.

Тихонов обернулся.

— Ты пока общий геморрой.

— Звучит как статус.

Марина прошла мимо Волкова.

Он не остановил.

Руднев смотрел на него с вопросом.

— Разрешите?

Волков посмотрел на Марину, Рябого, мокрую крышу, людей у соседнего корпуса, дым, темный край, где исчез Лагутин.

Первое решение в новой должности уже было принято.

Не бумагой.

Не приказом.

А тем, кого он не стал удерживать силой.

— Да. Идите вместе.

— Это нарушение протокола.

— Привыкайте.

Они спустились вниз.

На втором этаже пахло дымом и старой проводкой. Где-то выла техническая сигнализация. Люди бегали по коридорам. Полицейский у студии пытался объяснить, что у него не было приказа подниматься на крышу. Его уже никто не слушал.

Во дворе под козырьком было темно.

Тихонов включил фонарь. Марина — телефон. Рябой попытался включить камеру.
— Убери, — сказал Волков.
— Да ладно вам.
— Убери, пока я не сделал это сам.
Никита впервые не стал спорить.
Флешку нашли через шесть минут.
Не там, где ждали.
Она лежала не на земле, а в водосточном желобе, куда ее отбросило после удара о козырек. Маленькая, черная, с красной меткой.
Почти незаметная.
Марина увидела первой.
Подняла.
И сразу сжала в кулаке.
Волков протянул руку.
— Мне.
— Нет.
— Марина.
— Нет.
Тихонов тихо сказал:
— Ох, плохо.
Руднев подошел ближе.
— Это вещественный материал федеральной проверки.
Марина посмотрела на него.
— А я журналист, на которого только что напали неизвестные люди. Хотите попробовать забрать?
Рябой поднял телефон.
— Вот теперь я снимаю.
Руднев замер.
Волков смотрел на Марину.
— Если оставите у себя, за вами придут.
— А если отдам вам?
— Тоже. Но сначала ко мне.
— Вы правда в это верите?
— Да.
— А я должна?
— Нет.
Она стояла под дождем с флешкой в кулаке.
В ее глазах было не раздражение.
Решение.
— Мы сделаем копию, — сказала она. — При вас. При нем. При Рябом. При Тихонове.
Потом решим, кто что держит.
— Здесь нельзя.
— Тогда где?
Волков посмотрел на здание, машины, Руднева, камеры, людей у телефонов.
— Не в Москве.
— Это невозможно, — резко сказал Руднев.
Волков повернулся к нему.
— Оформите как оперативное перемещение материала.
— Куда?

Волков посмотрел на Тихонова.

Тот понял и тихо выругался.

— Только не говори.

— В Сочи.

— Артём.

— Если Лагутин сказал, что Ростов — ложный след, все уже ждут, что мы рванем туда.

Значит, надо возвращаться туда, где всё началось.

Марина спросила:

— А женщина, которая умерла дважды?

— Будет там.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю.

Он посмотрел на флешку в ее руке.

— Но тот, кто хотел, чтобы мы нашли это, выбрал именно нас всех.

Рябой кашлянул.

— Я правильно понимаю, что я теперь лечу с вами?

— Нет, — одновременно сказали Волков, Марина и Тихонов.

— Вот так всегда. Когда крыша, дым и убийцы — Никита, снимай. Когда самолет —

Никита, сиди дома.

Волков сказал:

— Если ты останешься в Москве, тебя заберут.

— А если полечу?

— Тоже возможно.

— Тогда в чем разница?

Тихонов ответил:

— В самолете есть кофе.

— Убедительно.

Руднев смотрел на Волкова так, будто видел, как новая должность разваливается через два часа после подписания.

— Вы не можете вывезти журналистов и материал без согласования.

— Могу.

— На каком основании?

Волков достал документ назначения.

Бумага еще пахла принтером.

— На основании того, что вы сами дали мне ответственность за последствия правды.

Руднев молчал.

Марина смотрела на бумагу.

Потом на Волкова.

— Красиво звучит. Почти как клетка.

— Да.

— И вы сами туда вошли?

— Да.

— Зачем?

Волков посмотрел на темный мокрый двор.

Где-то за воротами включилась сирена.

Поздняя.

Бесполезная.

— Чтобы открыть ее изнутри.

Марина тихо ответила:

— Все так говорят.
Она не ждала ответа.
И правильно.
Ответа пока не было.

Был только рейс в Сочи, флешка с красной меткой, имя женщины, умершей дважды, и Лагутин, который ушел, но оставил след слишком явный, чтобы это было бегством.

Волков понял: вторая книга началась по-настоящему не в Москве.
А здесь.
В момент, когда он впервые использовал новую власть не для приказа.
А для нарушения приказа.

Глава 6

Красная метка

Руднев пытался остановить их три раза.

Первый раз — во дворе промздания, под дождем, с телефоном у уха.

— Артём Сергеевич, вы не можете вывезти гражданских лиц из Москвы без согласования.

Волков посмотрел на Марину, Рябого и Тихонова.

— Могу.
— Это не ваш личный ресурс.
— Теперь это оперативная группа.

Рябой поднял руку.

— Я официально против слова «группа». Оно звучит так, будто мне потом выдадут жилет и заставят молчать.

— Вам выдадут место в самолете, — сказал Волков.
— Уже лучше.

Руднев прикрыл телефон ладонью.

— Вы понимаете, что делаете?
— Да.
— Вы только что получили должность.
— Именно.

— И первым решением создаете конфликт с теми, кто ее дал.

— Нет. Первым решением я сохраняю единственный материал, за которым сегодня пришла чужая группа.

— Вы даже не знаете, что на флешке.

Марина сжала флешку в кулаке.

— Поэтому она не будет у вас.

Руднев посмотрел на нее так, будто только сейчас вспомнил: она не подчиненная, а проблема.

— Марина Николаевна, это материал проверки.
— Это источник информации.
— Это улика.
— Уликой она станет, когда вы оформите ее так, чтобы потом она исчезла правильно.

Тихонов тихо сказал:

— Мне нравится, когда журналисты экономят нам время на грубости.

Волков не вмешался.

Иногда полезнее дать людям сказать то, что сам не можешь произнести в новом статусе.

Второй раз Руднев попытался остановить их в машине.

— Минимум одна копия должна уйти в Москву.

— Нет, — сказал Волков.

— Вы сейчас сознательно блокируете федеральный доступ.

— Я блокирую преждевременную смерть материала.

— Это красивые слова.

— Это плохая ночь. Красивых уже не осталось.

Марина положила флешку в металлический футляр от старого диктофона. Красная метка на корпусе исчезла под крышкой, но Волков всё равно видел ее перед глазами.

Красная метка.

Лагутин оставил ее слишком явно.

Значит, либо хотел, чтобы они нашли флешку.

Либо хотел, чтобы кто-то увидел, что они ее нашли.

Руднев сказал:

— Хотя бы сделаем копии до вылета.

— Сделаем в Сочи.

— Почему?

— Потому что Лагутин сказал: Ростов — ложный след. Значит, все ждут, что мы дернемся туда.

— А если он соврал?

— Тогда он сделал это слишком полезно.

Рябой, сидевший между Мариной и дверью, осторожно поднял голову.

— Можно уточнить? Мы летим в Сочи, потому что человек, который бросил флешку с крыши и исчез в дыму, крикнул нам не ехать в Ростов?

— Да, — сказал Тихонов.

— Отлично. У нас снова логистика уровня «поверь мертвому человеку».

— Лагутин живой.

— Это временно, судя по спросу.

Волков посмотрел в зеркало.

За ними шла машина сопровождения. Не слишком близко. Не слишком далеко. Руднев называл это безопасностью. Волков — хвостом, которому дали удостоверение.

Третий раз Руднев попытался остановить их уже на подъезде к аэропорту.

Он молча передал Волкову телефон.

— Юлия Станиславовна.

Волков взял трубку.

— Слушаю.

Голос Ветровой был спокойным.

— Вы делаете ошибку.

— Возможно.

— Вы еще не понимаете, чью группу встретили на крыше.

— Значит, вы тоже.

Пауза.

— Именно поэтому флешка должна быть у нас.

— Нет.

— Артём Сергеевич, вы получили полномочия не для того, чтобы вести собственную игру.

— А какую?

— Общую.

— Общая игра — это когда все знают правила. Я пока вижу людей, которые прячут карты друг от друга.

— Вы не проживете долго с таким подходом.

— Это предупреждение?

— Статистика.

Волков посмотрел на Марину. Она сидела у окна, но слушала каждое слово.

— Я везу материал в Сочи.

— Почему?

— Потому что Лагутин появился после сообщения Савельеву. Потому что старая ткань ведет к первому месту подмены. Потому что если открыть флешку в Москве, через час ее содержание будет у тех, кто послал группу на крышу.

— А если в Сочи?

— Через два часа.

— Разница небольшая.

— Часа иногда достаточно, чтобы выжить.

Ветрова молчала.

Потом сказала:

— Рябой остается в Москве.

— Нет.

— Он источник хаоса.

— Поэтому по нему ударят первым.

— Он вас замедлит.

— Он уже ускорил дело больше, чем половина ваших людей.

— Вы привязываетесь к шуму.

— Нет. Я защищаю свидетеля.

— Он не свидетель.

Волков посмотрел на Рябого.

Тот попытался сделать обиженное лицо, но испуг под глазами держался крепче.

— Уже свидетель.

Он вернул телефон Рудневу.

Тот не сразу убрал трубку.

— Она сказала что-нибудь еще?

— Да.

— Что?

— Что мы летим.

В аэропорту их провели через служебный вход.

Москва за стеклом была мокрой, тяжелой, недовольной. Город, который только что дал Волкову должность, уже отправлял за ним тени. Подписанная бумага не защищала его. Она только делала удар дороже.

Иногда этого хватало.

Пока.

Перед посадкой телефон Рябого завибрировал.

Он посмотрел на экран и перестал жевать купленный в автомате батончик.

— У нас сообщение.

— От кого? — спросила Марина.

— Аноним. Но стиль знакомый: коротко, неприятно и как будто человек знает, что мы не успеем поспать.

Он показал экран.

«Вторая смерть была не медицинской. Женщина, умершая дважды, связана с мальчиком через имя, которого он не носил. В Сочи ищите не клинику. Ищите того, кто назвал его Денисом».

Рябой перечитал и побледнел.

— Денисом?

Марина подняла глаза на Волкова.

— Это имя уже было?

— Было.

— Где?

Рябой ответил вместо него:

— В моем детстве.

Тишина стала неудобной даже для аэропорта.

Руднев подошел последним.

— Что случилось?

Волков показал сообщение.

Руднев прочитал и сразу стал серьезнее.

— Это может быть Лагутин.

— Может.

— Или тот, кто ведет нас через Лагутина.

— Да.

Объявили посадку.

Волков вернул телефон Рябому.

— Не отвечать. Не пересылать. Скрин сделать на отдельное устройство.

— У меня нет отдельного устройства.

Тихонов достал свой телефон.

— Дай сюда, блогер народный.

— Не называйте меня так.

— Тогда не веди себя как муниципальная сирена.

В самолете их посадили странно.

Волков и Марина — рядом.

Через проход — Тихонов и Рябой.

Руднев — ряд позади.

Это не было случайностью.

Рябой наклонился к Тихонову.

— А вы храпите?

— Только когда рядом человек задает лишние вопросы.

— Понял. Буду записывать.

— Попробуй.

Марина пристегнулась и положила флешку во внутренний карман куртки.

Волков заметил.

— Правильно.

— Не нуждаюсь в одобрении.

— Это не одобрение. Наблюдение.

— Тем более.

Самолет вырулил на полосу.

Москва превратилась в мокрую линию огней. В полете почти никто не говорил. Марина закрыла глаза, но не спала. Волков видел это по напряжению в пальцах. Рябой то открывал телефон, то закрывал. Тихонов несколько раз хотел что-то сказать, но каждый раз останавливался. Руднев сидел сзади тихо, как человек, который понял: его должность не успевает за событиями.

Через час самолет пошел на снижение.

Сочи встретил их влажным воздухом, темным морем и запахом соли.

На выходе их ждал Карпов.

Без формы.

В старой куртке, с лицом человека, которому позвонили среди ночи и сказали: «Все стало хуже».

Он посмотрел на Волкова, потом на Марину, потом на Рябого.

— Вы привезли Москву с собой?

Тихонов ответил:

— Частично. Полностью она не влезла.

Карпов не улыбнулся.

— Тогда быстрее. У нас есть место, где можно открыть флешку. И есть человек, который видел мальчика после исчезновения.

Марина сразу спросила:

— Живого?

— Живого.

Рябой выдохнул так резко, будто до этого не дышал.

Карпов добавил:

— Но он был ранен. И его называли не Михаилом.

Волков посмотрел на него.

— Денисом?

Карпов замер.

— Откуда вы знаете?

Волков посмотрел на черное море за стеклом аэропорта.

— Похоже, Сочи начал говорить раньше нас.

Глава 7

Женщина, которая умерла дважды

Место оказалось не клиникой.

И не квартирой.

Карпов привез их к старой аптеке на первом этаже дома у санаторной дороги. Вывеска давно не светила, стекла были заклеены объявлениями о давлении, сахаре и скидках для пенсионеров. Снаружи — обычная лавка, каких в Сочи десятки. Внутри — склад, маленькая процедурная, задняя дверь и люди, которые всю жизнь лечили тех, кого нельзя было показывать в журнале приема.

— Это неофициальный пункт? — спросил Руднев.

Карпов посмотрел на него устало.

— Это Сочи. Здесь всё официальное когда-то было неофициальным.

Дверь открыла женщина лет шестидесяти.

Сухая, низкая, с седыми волосами, собранными в тугий пучок. В глазах — усталость и привычка не бояться людей с удостоверениями.

— Зинаида Петровна, — сказал Карпов.

— Сережа.

— Нам нужно поговорить.

Она посмотрела за его плечо: Волков, Марина, Тихонов, Рябой, Руднев.

— Ты привел слишком много людей.

— Знаю.

— И слишком плохих.

Тихонов тихо сказал:

— По первому пункту согласен, по второму спорно.

Зинаида Петровна открыла дверь шире.

— Входите. Только без удостоверений. Я ими за жизнь налюбовалась. Они не лечат.

Склад был маленьким: стол, лампа, два стула, коробки с медикаментами, термос, стопка бумаг под резинкой. У стены — раскладушка. На одеяле — след крови.

Свежий.

Марина шагнула к нему и остановилась.

— Он был здесь?

— Был.

— Где сейчас?

— Ушел.

— С кем?

Зинаида Петровна посмотрела на Волкова.

— С теми, кому я пока верю больше, чем вам.

Тихонов пробормотал:

— Рационально.

Волков достал удостоверение, но женщина даже не посмотрела.

Он убрал.

— Рана?

— Рука. Старая травма дала воспаление. Плюс свежий порез. Температура была.

Марина спросила тише:

— Он был в сознании?

— Был.

— Говорил?

Зинаида Петровна посмотрела на нее.

— Мальчики в таком состоянии обычно молчат. Не потому что сильные. Потому что уже поняли: взрослые используют слова против них.

Марина опустила глаза.

Волков спросил:

— Женщина, которая привезла?

— Валентина.

Карпов резко поднял голову.

— Валя Крапивина?

— Она.

— Жива, значит.

— Назло всем.

— Где она?

Зинаида Петровна усмехнулась.

— Вот это вопрос, на который я бы не ответила даже хорошему человеку.

— А мне?

— А ты, Сережа, давно перестал быть хорошим. Просто иногда вспоминаешь, что был.

Карпов принял это молча.

Заслуженно.

Марина сказала:

— Она назвала его Денисом?

Зинаида Петровна резко посмотрела на нее.

— Откуда вы знаете?

— Нам сказали.

— Кто?

— Человек, который сейчас, возможно, уже мертв.

Женщина долго смотрела на Марину.

Потом села.

— Валя сказала это не мне. Врачу. “Денису нельзя общий наркоз”. Потом поправилась: “мальчику”. Врач сделал вид, что не услышал. Через двадцать минут его уже искали.

— Кто? — спросил Волков.

— Двое. Не местные. Не полиция. С такими лицами приходят не лечиться.

— Врач где?

— Спрятался.

— Где?

— А вот это уже следующий вопрос, на который я не отвечу.

Рябой стоял у стены, глядя на след крови.

— Почему Денис?

Никто не ответил.

Он повернулся к Волкову.

— Это не может быть совпадением.

— Нет.

— Денис — мой Денис?

— Возможно.

— Я уже ненавижу это слово.

— Оно полезнее лжи.

Рябой хотел ответить, но передумал.

Марина достала флешку и положила на стол.

Руку не убрала.

Зинаида Петровна посмотрела на красную метку.

— Это от Лагутина?

В комнате стало тихо.

Карпов выдохнул:

— Вы его знаете?

— Все старые грехи знают друг друга.

Волков сел напротив.

— Нам нужно открыть флешку.

— Здесь нельзя.

— Почему?

— Потому что здесь лечат, а не хоронят данные.

Она достала из ящика старый телефон и набрала короткий номер.

— Сережа пришел. С ним новые неприятности. Да. Красная метка. Да, та самая.

Она положила трубку.

— Поедете к Карпову. Там можно включить технику и не убить всех сразу.

Карпов нахмурился.

— Ко мне?

— А ты думал, старые дома держат только для ностальгии?

Через двадцать минут они были в доме Карпова.

Возможно, Волков уже бывал там.

В Сочи у многих людей были такие дома: временные, чужие, полузабытые, но нужные, когда надо переждать ночь.

Марина положила флешку на стол.

Карпов посмотрел на красную метку.

— Лагутин дал?

— Да, — сказал Волков.

— Живой, значит.

— Пока.

Карпов кивнул.

— Он всегда был упрямее, чем умнее.

— Где его искать?

— Не знаю.

— Но знаете, где искать Горскую.

Карпов поднял глаза.

— Горскую уже нигде не искать. Ни первую, ни вторую.

— А тех детей?

Карпов долго молчал.

Потом сказал:

— Был дом. Не детдом. Не приют. На бумаге — реабилитация, опека, медицинское сопровождение. На деле — место, где детей держали до решения их юридической судьбы.

— Каких детей? — спросила Марина.

— Детей людей, которые умерли не вовремя. Детей, через которых можно было держать имущество, показания, гражданство, фамилии, наследственные линии. Михаил был не единственным.

Рябой медленно сел.

Даже он перестал быть шумом.

— Где центр? — спросил Волков.

— Закрыт.

— Где он был?

— В старом корпусе санатория “Горный воздух”.

Тихонов повернулся к Волкову.

Список санаториев снова ожил.

Аронов. Южная орбита. Лазурный склон. Горный воздух.

Карпов продолжил:

— Если Лагутин сказал, что старая ткань была не первой, речь не только о смертях. Речь о детях, которых потом переписали как вещи.

Марина тихо спросила:

— Нина Горская их вела?

— Да.

— И поэтому умерла второй раз?

Карпов посмотрел на флешку.

— Она хотела вернуть себе имя.

Руднев, до этого молчавший, спросил:

— Чье имя?

Карпов посмотрел на него странно.

— Не свое.

Марина наконец убрала руку с флешки.

— Открываем.

Тихонов проверил окна. Руднев включил свой защищенный ноутбук. Рябой достал маленькую камеру, но Волков посмотрел на него, и тот убрал ее обратно.

— Ладно. Без прямого эфира. Но я морально страдаю.

Флешка открылась не сразу.

Сначала запросила пароль.

Потом, вместо поля ввода, показала одну строку:

“Назовите женщину, которая умерла дважды.”

Марина подняла взгляд.

Карпов побледнел.

— Нет, — сказал он.

Волков смотрел на экран.

— Имя.

Карпов молчал.

— Сергей, — сказал Тихонов уже без шутки.

Карпов закрыл глаза.

— Нина Горская.

Руднев ввел имя.

Экран мигнул.

Открылась папка.

Не с одной фотографией.

Не с одним делом.

Со списком.

Детские фамилии. Старые номера. Санатории. Опекуны. Медицинские заключения. Примечания.

И вверху — отдельный файл.

“ДЕНИС / НЕ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ.”

Рябой перестал дышать.

— Откройте, — сказал он.

Волков посмотрел на Марину.

Она кивнула.

Файл открылся.

На экране появилась старая фотография двора.

Два мальчика у лавки.

Один — Никита, совсем ребенок.

Второй — мальчик постарше, худой, с темными глазами.

Подпись:

“Денис Ермаков. Свидетель вывода. Не возвращать в систему.”

Рябой сел на стул так резко, что тот скрипнул.

— Он жив? — спросил он.

Карпов не ответил.

Ответила Зинаида Петровна, стоявшая у двери. Никто не заметил, как она вошла.

— Жив. Если успеете раньше тех, кто понял, что имя снова всплыло.

Волков повернулся к ней.

— Где он?

Она посмотрела на экран, потом на Рябого.

— Там, где начинают искать всех, кого нельзя было находить.

— Где?

— В “Горном воздухе”.

Тишина стала плотной.

Марина закрыла флешку ладонью.

— Значит, туда.

Волков кивнул.

— Да.

Рябой поднял голову.

В его лице больше не было привычной бравады.

— Я с вами.

— Нет, — сказал Волков.

— Да.

— Никита.

— Если Денис жив, я еду. Если он мертв, тем более.

Тихонов тихо выругался.

Карпов посмотрел в окно.

— Тогда быстро. “Горный воздух” давно закрыт только на бумаге.

Волков понял: красная метка была не ключом.

Она была приглашением.

И, возможно, предупреждением.

Потому что если Михаил был не единственным ребенком, значит, они искали не одну линию.

А целый слой чужих детских имен.

И если список Горской действительно существовал, Михаил был не ключом.

Он был последним человеком, который мог доказать, что ключей было много.

Глава 8

Часовня, которой нет

До «Горного воздуха» ехали двумя машинами.

Впереди — старая «Нива» Карпова. За ней — темный внедорожник, где сидели Волков, Тихонов, Марина, Рябой и Руднев.

В машине было тесно.

Не физически. Места хватало. Тесно было от людей, у каждого теперь был свой страх, своя правда и свой мотив не доверять остальным.

Рябой держал пауэрбанк, телефон и маленькую камеру. Перекладывал из руки в руку, будто проверял, не исчезли ли.

Марина молчала.

Флешка снова была у нее. Волков отдал ее без объяснений, и это было правильнее любого обещания. Не потому, что перестал хотеть контролировать материал. А потому что понимал: если заберет силой, потеряет не флешку — потеряет человека, который еще мог отличить его от тех, кто приходил за носителем ночью.

Руднев сидел впереди рядом с водителем и раз за разом смотрел на телефон.

Связи почти не было.

Тихонов заметил.

— Кирилл Михайлович, у вас зависимость.

— От чего?

— От возможности позвонить старшим и снять с себя решение.

Руднев не обернулся.

— В моей работе это называется координация.

— В моей — страх остаться крайним.

— А ваша работа какая?

— Уцелеть рядом с ним.

Тихонов кивнул на Волкова.

— Трудовая функция широкая, перспективы сомнительные.

Руднев ничего не ответил.

Дорога поднималась выше, по серпантину, который давно не ремонтировали нормально. Сочи внизу исчез за мокрыми деревьями. Море иногда проступало черной полосой между стволами и тут же пропадало.

«Горный воздух» встретил их темнотой.

Не темнотой заброшенного места.

Хуже.

Темнотой места, которое выключили специально.

Главный корпус стоял на склоне: длинный, облупленный, с проваленными балконами и выбитыми стеклами на верхних этажах. Старые фонари у входа не горели. Табличка с названием висела криво, будто даже буквы устали держаться за прошлое.

Карпов остановил «Ниву» у бокового проезда.

— Дальше пешком.

Рябой посмотрел на корпус.

— Очень рад, что взял пауэрбанк. Еще бы завещание.

— Поздно, — сказал Тихонов. — Теперь имущество уйдет государству за моральный ущерб.

Карпов повел их не к главному входу, а вниз, вдоль старой подпорной стены. Дождь бил по листьям. Под ногами хрустел гравий и мокрые ветки.

— Вы говорили про центр, — сказал Волков.

— Центр был в корпусе, — ответил Карпов. — Список хранили не там.

— Где?

Карпов остановился.

Впереди между деревьями показалась маленькая часовня.

Низкая, каменная, почти вросшая в склон. Купола не было. Креста тоже. Только старая арочная дверь и узкое окно под крышей.

— Ее нет на плане, — сказал Руднев.

Карпов посмотрел на него.

— Поэтому она еще стоит.

— Часовня при санатории?

— Формально — склад садового инвентаря. Потом помещение психологической разгрузки. Потом архивное хранилище. У этого места было много названий. Часовней ее называли дети.

Марина спросила:

— Почему?

Карпов не сразу ответил.

— Потому что здесь просили не о спасении. О том, чтобы их не забыли.

Рябой перестал шутить.

Дверь открылась не сразу. Замок был старый, но недавно смазанный.

— Нас ждут, — сказал Тихонов.

— Возможно, — ответил Карпов.

— Это слово у нас уже как семейная болезнь.

Внутри пахло сыростью, пылью и старой бумагой.

Часовня была почти пустой: каменные стены, деревянный стол у дальней стены, остатки полок, металлический контейнер в углу и выцветшая детская фотография под стеклом.

Марина подошла к фотографии первой.

На снимке были дети.

Не стройный ряд.

Не группа детского дома.

Просто двор. Скамейка. Несколько мальчиков и девочек, смотрящих в разные стороны, будто фотография застала их не в момент праздника, а в момент ожидания.

Рябой подошел ближе.

И замер.

— Нет.

Волков посмотрел на него.

— Что?

Никита ткнул пальцем в одного мальчика на фото.

Худой, темноволосый, лет десяти или одиннадцати. Слишком серьезный взгляд для ребенка.

— Денис.

Марина резко повернулась.

— Твой Денис?

— Я не знаю.

Рябой сглотнул.

— То есть знаю. Но он был старше. Я его помню другим. В детстве все лица в памяти какие-то неправильные.

Карпов подошел к контейнеру.

— Если Горская оставила список, он здесь.

— А если не оставила? — спросил Руднев.

Карпов усмехнулся.

— Тогда мы просто стоим ночью в несуществующей часовне с флешкой, журналисткой и человеком, которого Москва сегодня повысила. Тоже неплохой диагноз.

Марина вставила флешку в ноутбук Руднева. Пароль сработал не сразу. Система запросила подтверждение через файл из контейнера.

Карпов открыл металлический ящик.

Внутри лежали тонкие папки, завернутые в пленку. Не много. Слишком мало для архива. Слишком много для легенды.

На верхней папке была надпись рукой:

НЕ НОМЕРА. ИМЕНА.

Марина закрыла глаза.

— Это Горская.

— Откуда знаете? — спросил Руднев.

— Так не пишет система.

Они работали быстро.

Руднев сканировал. Марина проверяла совпадения с флешкой. Волков стоял рядом и впервые за ночь почти не вмешивался. Тихонов следил за дверью. Рябой смотрел на фотографию.

На экране начали появляться строки.

Детские имена.

Старые фамилии.

Новые фамилии.

Санатории.

Опекуны.

Медицинские заключения.

Даты.

Статусы.

Некоторые строки были перечеркнуты.

Некоторые отмечены красным.

Некоторые имели пометку: «**выведен**».

Рябой тихо спросил:

— Денис есть?

Марина нашла быстрее него.

Денис Ермаков.

Статус: свидетель вывода.

Пометка Н.Г.: не возвращать в систему.

Никита сел прямо на каменный пол.

Не упал.

Просто ноги перестали держать.

— Он жив? — спросил он.

Карпов не ответил.

Руднев смотрел на экран, но его лицо тоже изменилось.

Волков заметил.

— Что?

Руднев не ответил.

Марина прокрутила список ниже.

Еще одна строка:

Кирилл Горин.

Передача: северный контур.

Текущая оболочка: Руднев К.М.

В часовне стало неподвижно.

Руднев медленно поднял пистолет.

Не на Викторию — ее еще не было.

На Волкова.

Тихонов уже стоял сбоку.

— Кирилл, — сказал Волков спокойно. — Не надо.

Руднев дышал тяжело.

На его лице было не разоблачение.

Ужас.

— Это ложь.

Марина смотрела на экран.

— Кирилл...

— Не называйте меня так.

— Это ваше имя.

— Нет.

Рябой поднял голову.

— Кирилл Горин... Денис Ермаков... Они были в одном списке?

Руднев резко повернулся к нему.

— Молчите.

Тихонов шагнул ближе.

— Опустите пистолет.

— Я сказал — молчите.

Волков сделал полшага вперед.

— Ты сейчас хочешь выстрелить не в нас. В бумагу.

— Бумага врет.

— Возможно.

— Не говорите это слово.

— Но если оно врет, надо выяснить кто написал. Если нет — надо понять, кто украл у тебя биографию.

Руднев держал пистолет еще несколько секунд.

Потом рука дрогнула.
Не опустилась полностью.
Но стала ниже.
И в этот момент снаружи раздались шаги.
Тихонов погасил фонарь.
Все замерли.
Голос снаружи сказал:
— Артём Сергеевич, не стреляйте. Я одна.
Женский.
Марина узнала первой.
— Виктория.
Дверь открылась.

Виктория Савельева вошла без приглашения, в темном плаще, с мокрыми волосами, собранными назад. На лице — ни страха, ни удивления. Только усталость и холодная уверенность человека, который шел сюда не за случайной находкой.

Тихонов поднял пистолет.
— Еще шаг — и я наконец испорчу Савельевым семейный вечер.
Виктория даже не посмотрела на него.
Она смотрела на Волкова.
— Вы нашли список.
— Вы знали, что он здесь.
— Предполагала.
— Почему не сказали?
— Потому что тогда вы пришли бы раньше.
— А вам нужно было позже?
— Мне нужно было, чтобы вы пришли после утверждения.
Волков понял.
— Чтобы список нашел не сотрудник сочинского управления. А новый координатор.
— Да.
Марина резко сказала:
— Вы все друг друга стоите.
Виктория посмотрела на нее.
— Нет. Некоторые стоят дороже. Поэтому вы еще живы.
Рябой поднялся.
— А можно без аристократического хамства в часовне?
Виктория впервые посмотрела на него.
— Вы Никита Рябой.
— Да.
— В списке есть Денис Ермаков?
Никита не ответил.
Ответ был у него на лице.
Виктория кивнула.
— Значит, Лагутин успел.
Волков сказал:
— Вы знаете, где Денис?
— Знаю, где он был после 2019-го.
— Где?
— Там, где людей учат жить с чужой биографией.
Руднев резко поднял голову.

Виктория повернулась к нему.

— Кирилл Михайлович, вы хороший проводник по чужим коридорам. Но сейчас мы в лесу.

— Вы не будете определять маршрут, — сказал он.

— Уже определила. Ваше старое имя — Кирилл Горин.

Руднев побледнел.

— Заткнитесь.

— Вы знаете людей, которые вас вырастили. Но не людей, которые вас оформили.

— Я сказал — заткнитесь.

— Вы не просто ребенок Горской, — сказала Виктория. — Вы доступ к Белозёрову. Поэтому вас вырастили правильно.

Руднев сделал движение, но Тихонов оказался рядом.

— Не надо. Очень прошу. Мне не хочется бить человека в момент биографического кризиса.

Снаружи послышался мотор.

Потом второй.

Не близко.

Но приближались.

Виктория открыла боковую дверь за алтарной перегородкой, которую снаружи почти не было видно.

— Уходим.

Карпов удивленно сказал:

— Здесь был склад.

— Теперь выход.

— Откуда вы знаете?

Виктория посмотрела на него.

— Я дочь отца, который всю жизнь строил запасные выходы.

Марина взяла папку с фотографией детей. Флешку — тоже.

Волков не остановил.

— Почему она? — спросил Руднев глухо.

Волков ответил:

— Потому что списку нельзя снова попасть только в руки человека с должностью.

Они пошли через узкий проход, один за другим.

Руднев шел молча.

Тихонов держал его под контролем, но Волков жестом велел не трогать. Сейчас Руднев был опасен не как враг.

Как человек, у которого за несколько минут отняли биографию.

Такие люди либо ломаются.

Либо становятся непредсказуемыми.

Позади, у входа в часовню, остановились машины.

Двери хлопнули.

Голоса.

Фонари.

Кто-то крикнул:

— Внутрь!

Но часовня, которой не было на документах, снова оказалась пустой для тех, кто пришел слишком поздно.

Они вышли ниже по склону, у старой подпорной стены. Дождь почти прекратился. Сквозь деревья виднелись огни города.

Виктория шла впереди.

Волков догнал ее.

— Почему помогаете?

— Я не помогаю.

— Тогда что?

— Исправляю ошибку отца раньше, чем он сделает ее частью своего плана.

— А Руднев?

Она посмотрела назад.

Кирилл шел как человек во сне.

— Руднев — не ответ. Он дверь.

— Куда?

— К тому, как Белозёров получил право называться защитником детей, которых сам помог переписать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.